

ЧУЖАК ИЗ ЛЕДЯНЫХ ЗЕМЕЛЬ

— Книга вторая —

ЛАСКОВЫЙ ЗВЕЗДОЧЕТ

Ласковый Звездочёт

Чужак из ледяных земель. Книга 2

«Автор»

2026

Звездочёт Л.

Чужак из ледяных земель. Книга 2 / Л. Звездочёт — «Автор», 2026

Кхар-Мор мёртв, а радоваться некому: победа не дала ни мира, ни тепла. Рат выжил в ледяной земле и усадил у одного огня людей, которые вчера ещё резали друг друга. Люди Арка, род Хада, волчьи, молодые Тарга. Зимой они переживут только вместе. Круг держится на честном слове и жидкой каше. Обиды никто не забыл, еды на всех не хватает, раненые слабеют, и любое решение стоит кому-то крови. Тут приходит Юг. Без войска и без огня. Он привозит соль и красный металл, кормит северян и обещает порядок, а долги записывает в толстую книгу. Всё, чего у Севера нет, лежит у него в обозе. Даром там ничего не раздают. Рату предстоит понять простую вещь: враг приходит не обязательно с копьём. Иногда он приходит с ответом на вопрос, на который у тебя самого ответа нет. Север может выиграть любую битву и всё равно остаться в чужой упряжке. Свободным он станет, только если научится жить без цепи, даже когда её подают вместе с солью.

Ласковый Звездочёт

Чужак из ледяных земель. Книга 2

Глава 1 "Кровь после победы"

Кровь после победы

Победа не согрела.

Я понял это ещё до того, как мы вернулись к старой зимовке. Снег скрипел под ногами людей, которые должны были идти легче. Кхар-Мор был мёртв. Камень Волка остался позади. Пленницы вернулись не все, но вернулись. Часть Морха сложила копья. Хад не отвернулся. Волчьи не ушли в лес.

По меркам этого мира — почти чудо.

Но никто не шёл как победитель.

Люди двигались молча, тяжело, с опущенными плечами и оружием в руках. Те, кто ещё вчера бросался вперёд от злости, теперь смотрели под ноги. Те, кто должен был радоваться, что жив, шли так, будто ждали нового удара между деревьями.

И правильно ждали.

Победа в лесу не похожа на победу в книгах.

Она не заканчивается светом, чистым воздухом и криком над поверженным врагом. После неё остаётся запах крови, дыма, мокрого меха и чужого страха. Остаются раненые, которых нужно тащить. Остаются мёртвые, которых нельзя похоронить так, как нужно. Остаются женщины, которые вернулись телом, но ещё не вернулись глазами. Остаются враги, которые вчера хотели тебя убить, а сегодня идут рядом и делают вид, что тоже хотят жить.

Самое опасное начинается потом.

Когда копья опущены.

Когда люди вспоминают, кто у кого убил брата.

Когда женщина смотрит на мужчину из чужого круга и понимает: его руки могли держать её дочь, когда ту волокли через снег.

Когда молодой воин видит бывшего Морха у общего огня и не понимает, почему тот ещё дышит.

Мы возвращались не одной группой. Это было бы слишком просто. Впереди шёл Нор, проверяя путь. За ним — люди Арка, часть раненых, женщины, дети, те, кто уже узнавал старую зимовку как временное спасение. Слева держались люди Хада. Не рядом. Не вместе. На расстоянии, которое можно было назвать и осторожностью, и недоверием.

Волчьи шли ещё дальше, ближе к лесу, будто сама мысль идти по открытой тропе с остальными была для них клеткой. Их звери — не совсем волки, не совсем собаки — скользили между деревьями, иногда выходили на снег, иногда снова исчезали. Один из них остановился и долго смотрел на меня жёлтыми глазами. Не рычал. Просто смотрел. Потом повернул голову и ушёл за своим человеком.

Варг держался между волчьими и нами.

Не пленник уже.

Но и не свой.

Волчий старший шёл за ним, молчаливый, в серой шкуре, с лицом, на котором снег почти не задерживался. Такие люди не нуждаются в лишних словах. Лишние слова выдают желание убедить. А волчий старший не убеждал. Он просто шёл там, где считал нужным.

Тарг двигался справа от меня.

Не рядом. Чуть впереди.

Так, чтобы все видели: он не идёт за мной. И не отстаёт.

На его плече лежало копьё. Бок всё ещё был перетянут кожей и мхом; кровь уже не шла, но повязка темнела на морозе. Он не жаловался. Я бы удивился, если бы пожаловался. Тарг был из тех людей, которые скорее умрут на ногах, чем дадут слабости стать словом.

Сая шла ближе к середине, между женщинами и ранеными. На её ремне висел костяной амулет Тарга. Она его не сняла.

И это было правильно.

Слишком многое теперь зависело от знаков.

Слишком многое — от того, что люди видят, даже если никто ничего не говорит.

Арк шёл впереди общего движения, но не первым. Первым шёл след. Первым шла опасность. Старик это понимал. Он не пытался выглядеть молодым. Не пытался доказать, что его копьё быстрее всех. Его власть была не в ногах и не в руках. Его власть была в том, что люди всё ещё смотрели на него, когда не знали, куда повернуть страх.

Я смотрел на всех сразу и понимал: мы принесли со стороны Камня Волка не мир.

Мы принесли материал, из которого мир ещё нужно было собрать.

И этот материал был мокрый, холодный, злой и вооружённый.

Старая зимовка встретила нас дымом.

Те, кто оставался, увидели возвращающихся раньше, чем мы спустились в низину. Дети выбежали первыми, но их быстро загнали обратно женщины. Не потому что нельзя радоваться. Потому что радость тоже шумит. А шум в лесу бывает дорогим.

Люди у огня поднялись. Кто-то искал глазами своих. Кто-то искал пленниц. Кто-то — Тарга. Кто-то — Арка. На меня смотрели тоже, но иначе, чем раньше.

Уже не как на голого чужака из снега.

Не как на полезного человека у края огня.

Теперь в этих взглядах было больше.

Ожидание.

И это было хуже недоверия.

Недоверие просто держит нож ближе. Ожидание заставляет тебя каждый раз доказывать, что ты стоишь того места, которое ещё не просил.

Первой закричала женщина, которая узнала свою дочь.

Не сразу.

Сначала она увидела её между двумя другими женщинами — бледную, почти не идущую сама, с обмотанными руками, с лицом, которое за несколько дней стало старше на целую жизнь. Женщина сделала два шага, остановилась, будто боялась поверить, потом бросилась вперёд.

Сая перехватила её раньше, чем та успела повалить дочь на снег.

— Тихо, — сказала она.

Это слово я уже знал.

Тихо.

Не сейчас.

Не ломай.

Женщина попыталась вырваться. Сая не отпустила. Прижала её к себе — коротко, жёстко, почти грубо. Потом подвела к дочери медленно. Дала коснуться лица. Рук. Волос. Не позволила трясти, кричать, задавать сразу всё, что копилось в человеке, пока его близкий был в руках Морха.

Я смотрел и понимал: Сая удерживает не только женщину.

Она удерживает стоянку от первого распада.

Потому что за первой радостью сразу придёт второй вопрос.

А где остальные?

И кто виноват, что вернулись не все?

Хад остановился на краю низины. Его люди не пошли к центру. Они стояли отдельным пятном: тёмные шкуры, чужие лица, копы в руках, женщины за спинами мужчин, дети у ног. Они были уже не врагами. Но ещё не союзниками.

Самое неприятное состояние.

Люди Арка смотрели на них.

Люди Хада — на людей Арка.

Волчьи стояли ещё дальше, почти среди деревьев. Их звери крутились рядом, низко опустив головы, вдыхая запах старой стоянки, крови, дыма, чужих детей. Один из подростков Арка поднял копьё, когда серый зверь подошёл слишком близко к полуземлянке. Волчий старший даже не повернул головы, но зверь остановился. Потом медленно отошёл.

Хорошо.

Значит, контроль есть.

Пока.

Арк вышел к центру старой зимовки. Там уже горел главный огонь — низкий, прикрытый камнями, с густым дымом, который тянуло вдоль снега. Старик остановился перед ним. Не сел. Не воткнул копьё. Просто стоял, пока шум постепенно умирал.

Один за другим люди замолкали.

Не все сразу.

Сначала свои. Потом те, кто был ближе к Арку. Потом женщины. Потом молодые Тарга — не потому что хотели, а потому что сам Тарг повернул голову. Последними стихли люди Хада. Не полностью, но достаточно.

Арк говорил долго.

Я понимал уже больше, чем раньше, но всё равно не всё. Однако смысл был ясен.

Камень Волка позади.

Кхар-Мор мёртв.

Его страх сломан.

Но зима не умерла.

Юг не исчез.

Голод не ушёл.

Мёртвые не встанут.

Похищенные не забудут.

Кровь не высохнет только потому, что мы решили стоять рядом.

Он говорил о круге.

О временном круге.

До конца зимы.

Не о дружбе. Не о родстве. Не о том, что люди Арка должны забыть ночные удары, поджоги, похищения и кости у входа. Не о том, что Морха должны склониться и стать младшими у огня Арка.

Нет.

Арк был слишком умён для таких слов.

Он говорил проще.

Если каждый сейчас начнёт брать кровь за свою кровь, Юг придёт не к людям, а к костям.

Хад слушал неподвижно.

Его лицо было тяжёлым, будто вырезанным из мокрого дерева. Когда Арк произнёс его имя, люди Хада напряглись. Не как перед боем, но близко.

Хад сделал шаг вперёд.

Не к центру.

На границу света.

И ответил.

Он говорил короче Арка. Жёстче. У него не было старой власти этого огня, и он это понимал. Его слова должны были держаться не на памяти, а на расчёте.

Я понял не всё, но достаточно.

Люди Хада не собаки Арка.

Не добыча.

Не остатки Морха, которых можно держать у края и кормить после всех.

Кхар-Мор мёртв. Но его смерть не делает людей Хада виноватыми за каждую кость, которую он бросил к чужому порогу. Если в новом круге их будут резать за старый страх — они уйдут. Если уйдут, унесут с собой людей, следы, копыя и память о том, где новый круг слаб.

Тарг слушал, и лицо его становилось всё жестче.

Его молодые рядом переглядывались. Один из них — высокий, с рассечённой бровью, которого я помнил по отходу и боям у Камня Волка, — тихо сплюнул в снег. Не демонстративно. Но так, чтобы те, кто рядом, увидели.

Хад тоже увидел.

Арк увидел.

Я — тем более.

Вот так начинается резня после победы.

Не с приказа.

С плевка.

С взгляда.

С одного слова, сказанного чуть громче, чем нужно.

Сая вышла вперёд до того, как Тарг успел что-то сказать. Это было опасно. Но, возможно, необходимо. Она встала не рядом со мной и не рядом с Таргом. Ближе к пленницам, к женщинам, к тем, кто был причиной всей этой крови, и одновременно — её ценой.

Говорила она спокойно.

Слишком спокойно для человека с синяком на лице, усталостью в плечах и несколькими днями без нормального сна.

Она показала на женщин Арка.

Потом на женщин Хада.

Потом на детей.

Потом на раненых.

Потом на огонь.

Я понимал часть слов.

Жизнь.

Еда.

Зима.

Руки.

Она говорила о том, что у мёртвых уже нет нужды в мясе. У живых есть. У детей Арка и детей Хада одинаково пустые животы. Раненые пахнут одинаково, когда гниёт рана. Мать одинаково держит ребёнка, неважно, из какого круга её мужчина.

Старуха с белыми волосами смотрела на Саю внимательно. В её лице было что-то похожее на тяжёлое одобрение. Не мягкое. Не бабье. Скорее — как у человека, который видит, что ребёнок взял в руки нож и не порезался сразу.

Тарг молчал.

Хорошо.

Но один из его молодых не выдержал.

Он сказал что-то резко, показывая на людей Хада. Я понял слово «Морха». Потом «кровь». Потом имя одного из погибших. Возможно, брата. Возможно, друга. Он сделал шаг вперёд.

Люди Хада тоже двинулись.

Не все.

Двоих хватило.

Мгновение — и стоянка стала другой. Только что здесь был совет, теперь — будущая драка. Люди ещё не подняли копья, но тела уже решили за головы.

Я шагнул вперёд.

Не в центр.

На чистое место у огня.

Палка оказалась в руке сама. Я присел и начал рисовать на снегу. Быстро, пока крик не стал сильнее мысли.

Круг Арка.

Круг Хада.

Волчьи у леса.

Потом между ними — кровь. Много коротких линий. Люди, которые бросаются друг на друга.

Стер рукой центр.

Потом нарисовал другой круг — не один большой огонь, а несколько огней рядом.

Арк.

Хад.

Волчьи.

Молодые Тарга.

Женщины и раненые.

Между ними — дозоры наружу.

Копья не внутрь.

Наружу.

Потом нарисовал юг.

Я ещё не знал их знаков, поэтому изобразил просто: длинная линия тропы, за ней квадрат — укреплённое место, как мне описывали. Рядом маленький нож.

Красный нож.

Южный.

Не тот металл, к которому привык мой прежний мир. Не холодная заводская сталь из оружейных комнат, не ровные клинки с маркировкой, не привычный расходник цивилизации, где металл есть в дверях, машинах, ложках и патронах. Этот был другим. Редким. Красноватым. Мягким по меркам будущего. Его можно было погнуть, затупить, испортить неправильной рукой.

Но здесь он всё равно был вещью из другого порядка.

Не просто лезвием.

Обещанием.

Я ткнул в юг.

Потом в наши круги.

Потом снова в кровь между нами.

Смысл был простым: если мы режем друг друга, Югу не нужно с нами воевать.

Тарг подошёл ближе. Посмотрел на рисунок. Потом на меня. В его лице было сопротивление. Не потому что он не понял. Как раз потому что понял.

Молодой с рассечённой бровью сказал что-то ещё. Теперь уже мне. В голосе было презрение.

Чужак.

Это слово я уже знал слишком хорошо.

Я поднял голову.

Он показал на людей Хада, потом на свою грудь, потом провёл ладонью по горлу. Его смысл был простым и честным: они убивали наших. Их надо убить. А ты говоришь ждать, потому что это не твой брат лежит под снегом.

Я не знал, что ответить так, чтобы было честно.

Потому что он был прав.

Это действительно был не мой брат.

Не моя женщина.

Не мой ребёнок, которого тащили через лес.

Я мог мыслить схемами, потому что не родился в этой крови. И именно поэтому видел дальше. И именно поэтому им было трудно меня слушать.

Я посмотрел на Тарга.

Не на молодого. На него.

Потому что это был его человек. Его круг. Его будущая сила.

Тарг долго молчал. Потом шагнул к молодому и ударил его.

Не кулаком в лицо. Не так, чтобы унижить. Он ударил его ладонью в грудь — сильно, заставив отступить на шаг. Сказал несколько слов. Глухо. Жёстко.

Я не понял всё, но понял главное.

Не сейчас.

Наружу.

Копьё наружу.

Молодой смотрел на него с яростью. Потом опустил глаза.

Тарг не посмотрел на меня. И правильно. Если бы посмотрел, это стало бы моей победой. А ему нужно было показать, что порядок держит он.

Хороший ход.

Очень хороший.

Арк поднял руку.

Шум окончательно стих.

Теперь можно было говорить о правиле.

Я снова присел и нарисовал кость. Потом кровь. Потом два круга. Потом перечеркнул линию между ними.

До конца зимы — нет мести внутри круга.

Не потому что простили.

Не потому что забыли.

Потому что иначе не выживем.

Старуха с белыми волосами подошла к рисунку и посмотрела на Арка.

Потом сказала несколько слов.

После её слов стало тише.

Она говорила не как Сая. Не как Арк. Не как Хад. Её слова приходили откуда-то глубже — из старой памяти, из обрядов, из того места, где люди верят не потому, что им выгодно, а потому, что иначе мир перестаёт держаться.

Она взяла кость Морха — ту самую, с тремя линиями, — и положила у огня. Рядом — пластину Хада. Потом волчий клык Варга. Потом копьё Арка легло на снег наконечником наружу. Тарг после короткой паузы положил рядом свою дубину. Не слишком близко. Но положил.

Все смотрели.

Сая сняла с пояса маленький мешочек с травами и положила его рядом.

Это было неожиданно.

Но правильно.

Новый круг не мог держаться только на оружии.

Варг вышел из тени у края леса. Волчий старший посмотрел на него, но не остановил. Варг медленно снял с шеи потемневший клык и положил рядом со знаками. Потом отошёл.

Хад положил свою пластину ближе к огню.

Круг стал видимым.

Ещё не настоящим.

Но видимым.

Оставался я.

Я не хотел класть ничего.

У меня почти ничего и не было. Каменный нож. Мех. Повязки. Чужое тело. Чужое имя. Старые знания, которые в этом мире нельзя положить на снег.

И южный нож.

Тот самый.

Нож Кхар-Мора.

Красноватое лезвие.

Металл, пришедший с юга.

Он лежал у Арка с момента возвращения. Завёрнутый в шкуру, отдельно от остального оружия. Никто не говорил о нём громко, но все знали, что он здесь. Для этих людей такая вещь была не просто преимуществом. Она была знаком: где-то есть места, где камень и кость уже не последние слова. Где умеют добывать, плавить, менять, хранить, давать и забирать то, чего здесь почти не видели.

Металл был мягче будущих клинков моего мира.

Но для этого мира — слишком ровный.

Слишком чужой.

Слишком желанный.

Арк посмотрел на меня.

Потом на свёрток.

Я понял.

Не хотел, но понял.

Старик медленно достал южный нож и развернул шкуру.

Даже в сером свете, даже у дымного огня, красноватое лезвие выглядело неправильно. Не блеском будущей стали. Не чистой холодной линией оружия из моего времени. Оно было тусклее. Теплее по цвету. Почти живое в своей мягкой красноте. На краю уже виднелись мелкие неровности — следы ударов, правки, использования.

Это был не идеальный клинок.

Но именно поэтому он казался реальнее.

И страшнее.

Потому что его принесли сюда не боги.

Люди.

Люди, которые умеют делать такие вещи.

Тарг сделал шаг.

Едва заметный.

Но сделал.

Его глаза были на ноже.

Не от жадности. Нет. Он был воином. Он понимал, что значит такое лезвие в руке. Понимал, что с ним можно сделать. Понимал, как будут смотреть на того, кто его носит.

Хад тоже смотрел.

Волчий старший — тоже.

Сая смотрела не на нож.

На людей, которые смотрели на нож.

Я медленно взял его у Арка.

Рукоять легла в руку непривычно и вместе с тем слишком понятно. Память старого мира шевельнулась — не конкретным запахом стали, а самым ощущением цивилизации, где металл давно перестал быть чудом. Где клинок — инструмент, часть снаряжения, заводское изделие, предмет учёта, а не знак, способный поспорить с огнём.

Потом всё исчезло.

Остался снег.

Дым.

Люди каменного века.

И красноватый южный нож, который не должен был оказаться таким важным — и всё равно был.

Я мог положить его рядом с остальными знаками.

Но понял: это будет ошибка.

Если нож окажется в центре круга, каждый будет видеть в нём общее право. И каждый будет думать, почему не он держит это право.

Если оставить у Арка — Хад решит, что старый огонь забрал знак Юга себе.

Если отдать Таргу — молодые получают новый центр.

Если оставить у меня — я стану не только чужаком, но и носителем южной силы. Это слишком опасно.

Я присел и воткнул нож в снег.

Не в центр.

Перед огнём, но лезвием вниз.

Так, чтобы рукоять была видна, но взять её было нельзя, не вытащив из земли перед всеми.

Потом показал на нож.

На юг.

На всех вокруг.

И покачал головой.

Не оружие круга.

Опасность.

Знак того, что идёт с юга.

Старуха поняла первой. Подошла, взяла горсть золы и посыпала снег вокруг ножа. Потом сказала слово, которое я раньше слышал у мёртвых, у знаков, у вещей, к которым нельзя прикасаться без смысла.

Запрет.

Или что-то близкое.

Арка кивнул.

Хад долго смотрел, потом тоже кивнул.

Тарг не кивнул. Но и не спорил.

Для начала достаточно.

Так появилось первое правило нового круга.

Кровь Кхар-Мора не мстить внутри до конца зимы.

Южный металл не брать тайно.

Копья держать наружу.

Выглядело просто.

И почти невозможно.

К вечеру люди начали расходиться по местам. Но теперь стоянка изменилась. Люди Арка остались ближе к центральному огню. Люди Хада поставили свои укрытия у правого края низины, под склоном, где ветер слабее, но обзор хуже. Волчьи вообще не стали спускаться

полностью в центр. Их огонь появился ближе к лесу — маленький, низкий, почти без дыма. Они признали общий круг, но не дали кругу закрыться вокруг себя.

Это было правильно.

Если пытаться загнать волчьих ближе, они уйдут.

Если пытаться заставить Хада сидеть рядом с теми, кто хочет его крови, он уйдёт.

Если позволить молодым Тарга самим решать, кого считать врагом, круг умрёт.

Я ходил между огнями и чувствовал себя не командиром.

Скорее человеком, который пытается удержать в руках мокрую сеть. Потянешь за один край — рвётся другой.

Нор подошёл ко мне ближе к сумеркам. Молча указал на снег у края стоянки. Там, где люди Хада прошли к своему месту, следы пересекались со следами волчьих. Между ними было несколько глубоких отпечатков. Кто-то останавливался. Стоял. Смотрел в сторону центра, где торчал южный нож.

— Кто? — спросил я.

Нор понял вопрос без перевода. Пожал плечом. Потом показал на след: не Арк. Не Хад. Не Тарг. Не волчий. Нога обута иначе. След мягкий, но уверенный. Человек шёл так, будто хорошо знал, где можно ставить ступню, чтобы снег не сказал лишнего.

Я присел.

След был странный.

Не южный в прямом смысле — обуви вроде будущих сапог здесь быть не могло. Но и не совсем наш. Подошва мягкая, обмотка сделана аккуратнее, чем у большинства северян. На пятке — узкий глубокий срез, будто там был вставлен твёрдый ремень или кусок обработанной кожи, которого я не видел у местных.

Я провёл пальцем по краю отпечатка.

Свежий.

Слишком свежий.

Кто-то подходил к месту, где стоял нож, уже после совета.

И ушёл к ручью.

Нор посмотрел на меня.

Я понял его взгляд.

Не говорить сейчас.

Не поднимать шум без ответа.

Хорошо.

Мы пошли вдоль следа. Не прямо. Параллельно, как я когда-то делал в первый день у поселения Арка. Нор двигался почти беззвучно. Я хуже. Раны мешали, усталость давила, но тело уже привыкало к этому миру быстрее, чем мне нравилось.

След уходил к ручью, потом ломался на камнях. Хорошо сделано. Тот, кто шёл, понимал снег. Не как случайный вор. Не как испуганный человек, решивший посмотреть на металл. Он знал, как уйти.

Но не знал, что Нор умеет читать даже отсутствие следа.

Мы нашли место ниже по течению, где лёд был тоньше. Человек перешёл не по обычному месту. На другом берегу ветка была согнута, но не сломана. Кора на ней чуть содрана. Нор коснулся её, понюхал пальцы.

Потом резко поднял голову.

Не страх.

Узнавание.

— Что? — тихо спросил я.

Он не ответил сразу. Показал на ветку, потом на юг. Потом на лес. Потом провёл пальцем по своей щеке — знак? Шрам? Род?

Я не понял.

Нор нахмурился. Нарисовал на снегу маленький знак: две расходящиеся линии и короткая поперечная черта у края.

Я видел такой сегодня?

Нет.

Но где-то близко.

Старый знак.

Не Морха.

Не Арка.

Не Хада.

Я запомнил.

Когда мы вернулись, уже стемнело. Стоянка жила тремя огнями. Центральный — Арка. Правый — Хада. Лесной — волчьих. Между ними ходили люди, но пока осторожно, как по тонкому льду.

Сая сидела у раненых. Тарг — у своих молодых. Варг — на границе света, ближе к волчьим, но всё ещё в зоне, где его видел Арк. Хад говорил с двумя своими мужчинами. Старуха сидела у южного ножа, воткнутого в снег и обсыпанного золой, будто караулила не вещь, а болезнь.

Арк заметил нас сразу.

Нор подошёл к нему и тихо сказал несколько слов. Лицо старика не изменилось. Но я уже научился видеть мелкое. Его пальцы на копье сжались.

Он знал знак.

Но прежде чем я успел что-то спросить жестом, из правого края стоянки донёсся крик.

Короткий.

Резкий.

Не боевой.

Найденный.

Люди поднялись сразу. Тарг схватил копье. Хад повернулся к своим. Волчьи подняли головы все одновременно, как звери, услышавшие хруст настила в темноте.

Мы побежали к огню Хада.

Там, между двумя низкими укрытиями, на снегу лежал человек.

Из бывших людей Кхар-Мора.

Я не знал его имени. Видел днём у края, когда он помогал перетаскивать шкуры и всё время держал голову опущенной, чтобы не встречаться взглядом с людьми Арка. Молодой ещё. Не мальчишка, но и не старший. Из тех, кто после смерти своего вождя не понимает, кем ему теперь быть.

Он лежал на боку, будто просто упал.

Но снег под ним был чёрным.

Хад стоял рядом, тяжело дыша. Один из его людей держал копье, но смотрел не на лес, а на людей Арка. Молодые Тарга подошли с другой стороны. Слишком быстро. Слишком близко.

Вот оно.

Первое испытание правила.

До конца зимы кровь не мстят внутри круга.

А кровь уже лежит на снегу.

Сая опустилась рядом с телом раньше меня. Коснулась шеи. Потом посмотрела на меня и едва заметно покачала головой.

Мёртв.

Я присел.

Рана была одна.

Под ребро.

Край был не рваный, как после грубого камня, и не раздробленный, как после кости. Узкий, глубокий, чуть смятый по краям. Такой удар мог оставить мягкий южный металл, если били близко и сильно. Не будущая сталь. Не тонкая работа хирурга. Просто лезвие ровнее и злее того, к чему привыкли эти люди.

Снег вокруг тела был истоптан. Но у самого края, возле камня, где убийца, возможно, поставил ногу, я увидел тот же отпечаток.

Мягкая обмотка.

Узкий срез на пятке.

Нор увидел тоже.

Арк подошёл последним. Не потому что медлил. Потому что понимал: каждый шаг старшего сейчас станет решением.

Хад повернулся к нему.

— Арк, — сказал он.

В голосе не было просьбы.

Только вопрос.

Тарг смотрел на тело. Потом на людей Хада. Потом на южный нож у центрального огня.

Его молодые уже шептались.

Один сказал слово «Морха». Другой — «мечь». Третий посмотрел на меня.

Хорошо.

Теперь всё встало на место.

Кто-то убил бывшего человека Кхар-Мора красным южным лезвием.

И сделал это в первую же ночь после того, как мы запретили внутреннюю кровь.

Не для того, чтобы убрать одного человека.

Для того, чтобы проверить, существует ли наш круг вообще.

Я поднял голову и посмотрел за ручей, туда, где след уходил в темноту.

Там, в лесу, был человек, который знал наши тропы.

Знал цену южного металла.

Знал, куда ударить, чтобы копыта снова повернулись внутрь.

И если это был тот, о ком говорил раненый беглец и молчал Арк, значит, Юг уже пришёл.

Не людьми с открытым оружием.

Не криком.

Не огнём.

А одним точным ударом под ребро.

Глава 2 "Южный нож"

Южный нож

Мёртвый лежал между огнями.

Не у огня Арка. Не у огня Хада. Не у лесного края, где держались волчьи. Между. Там, где снег уже успели истоптать люди нового круга, но ещё не успели сделать его своим.

Это было хуже, чем если бы тело нашли у ручья.

Хуже, чем если бы его вытащили из леса.

Хуже, чем если бы рядом лежала кость Морха или знак Кхар-Мора.

Место убийства было выбрано правильно.

Слишком правильно.

Я стоял над телом и понимал: тот, кто ударил, хотел не смерти одного человека. Он хотел, чтобы все увидели, где именно он умер.

Между огнями.

В месте, которое должно было стать новым кругом.

Убитого звали Орг.

Сая перевела имя тихо, почти без голоса, когда одна из женщин Хада сказала его над телом. Короткое имя. Тяжёлое. Подходило его лицу. Я видел его раньше у Камня Волка, но не запомнил. Таких людей после боя много: молодой, но уже не мальчишка; сильный, но не первый; из тех, кто идёт за большим страхом не потому, что верит, а потому что иначе его затопчут.

При Кхар-Море он был частью силы.

После смерти Кхар-Мора стал проблемой.

Не врагом. Не своим. Просто человеком, которому нужно было найти новое место быстрее, чем чужая ненависть найдёт его спину.

Не успел.

Сая сидела рядом с телом, опустив одно колено в снег. Её лицо было неподвижным. Она не плакала по нему. Не имела причин. Но смотрела на рану так, как смотрят на плохую новость, которая говорит больше, чем мёртвый.

Хад стоял у головы Орга. Его люди собрались позади — слишком плотно, слишком молча. У некоторых уже были копья в руках. Не поднятые. Пока. Но пальцы на древках лежали правильно. Готовые.

Тарг стоял напротив.

С его стороны подошли молодые. Они не становились в ряд, но всё равно получалась линия. У них тоже были копья, дубины, каменные ножи. Один держал рукоять так крепко, что кожа на пальцах натянулась до белого. Другой смотрел не на мёртвого, а на людей Хада, будто выбирал, кого ударить первым, если старшие начнут говорить слишком долго.

Волчьи не подходили близко.

Они стояли у своего огня, ближе к лесу. Варг был среди них, но чуть впереди. На лице его не было ни жалости, ни радости. Только внимание. Волчьи умели ждать. Иногда это делало их похожими не на людей, а на сам лес: холодный, терпеливый, без обязательства объяснять, на чьей он стороне.

Арк подошёл к телу последним.

Именно последним.

Не потому что не спешил. Потому что старший не должен бежать к чужой смерти так, будто она сильнее его. Он шёл медленно, с копьём в руке, и люди расступались. Даже люди Хада расступились. Не охотно. Но расступились.

Старик остановился у ног Орга.

Посмотрел на тело.

Потом на Хада.

Потом на Тарга.

Потом на меня.

Вот так.

Одним взглядом он разложил весь будущий спор.

Хад скажет: моего убили в вашем круге.

Тарг скажет: он был Морха.

Люди Арка скажут: мы не обязаны плакать по тому, кто вчера стоял за Кхар-Мором.

Люди Хада скажут: если так начинается новый круг, значит, вы просто ждёте темноты, чтобы резать нас по одному.

Волчьи скажут ничего.

Но уйдут первыми, если почувствуют, что круг пахнет ловушкой.

А я скажу, что рана сделана южным металлом.

И этим сделаю всё хуже.

Потому что металл теперь был не просто вещью.

Он был вопросом.

Кто держал южный нож?

Кто мог им ударить?

Кто хотел, чтобы мы все об этом подумали?

Сая подняла голову и встретилась со мной взглядом. Она уже поняла. Не словами. По краю раны. По тому, как кожа разошлась. По тому, как кровь вышла на снег ровной тёмной линией.

Камень рвёт.

Кость ломает.

Металл входит иначе.

Не как будущая сталь моего мира. Не чисто, не хирургически, не идеально. Но иначе. Южный красноватый металл был мягким, его можно было погнуть, испортить, затупить плохой рукой. Но хорошо заточенное лезвие всё равно входило глубже и ровнее, чем большинство каменных кромок, к которым привыкли эти люди.

Именно поэтому он был опасен.

Не тем, что делал человека непобедимым.

А тем, что менял представление о силе.

Я присел рядом. Не касаясь тела сначала. В этом мире к мёртвым нельзя лезть как к вещи. Особенно если мёртвый принадлежит не твоему кругу. Я посмотрел на Хада. Поднял ладонь, спрашивая разрешение.

Хад понял.

Плохо, что понял не сразу.

Хорошо, что всё-таки понял.

Он коротко кивнул.

Я коснулся одежды Орга у раны. Мех был прорезан точно. Не разорван. Не пробит грубым ударом. Клинок вошёл снизу, под ребро, под углом. Убийца был близко. Очень близко. Лицом к лицу или сбоку, почти в объятии. Не метнул. Не ударил издалека. Подошёл.

Значит, Орг его либо знал, либо не успел понять, что перед ним враг.

Я осторожно повернул край меха.

Сая резко втянула воздух.

Люди вокруг наклонились ближе.

Тарг сделал шаг, чтобы видеть.

Край раны был не рваный, как после грубого камня, и не раздробленный, как после кости. Узкий, глубокий, чуть смятый по краям. Так мог войти мягкий южный металл, если били близко и сильно.

Я показал на рану.

Потом на южный нож, который всё ещё торчал у центрального огня, лезвием вниз в снег, окружённый золой старухи.

Не резко.

Без обвинения.

Просто связь.

Металл.

Гул пошёл сразу.

Сначала среди людей Хада. Потом среди людей Арка. Молодые Тарга заговорили громче. Один ткнул пальцем в сторону центрального огня. Другой сказал что-то про нож. Третий — про Морха.

Хад не шевелился.

И это было хуже, чем если бы он закричал.

Арк поднял руку.

Шум не стих сразу.

Первый плохой знак.

Арк поднял руку выше. Медленно.

Тишина всё-таки пришла. Не полная, но достаточная.

Хад заговорил первым.

Его голос был ровный, но в этом ровном звуке лежала тяжесть мокрой шкуры. Он не кричал. Не обвинял прямо. Ему и не нужно было. Он говорил о круге. О крови. О слове, которое Арк дал перед огнём. О том, что Орг был из людей, которые сложили копья после Камня Волка. О том, что если первого же ночью режут между огнями, значит, новый круг — не круг, а яма.

Люди Хада глухо поддержали.

Тарг ответил не сразу.

Он смотрел на Орга. Потом на Хада. Потом на своих молодых. Потом на нож.

Когда заговорил, голос его был ниже обычного.

Я понимал не всё, но отдельные слова били по слуху.

Кхар-Мор.

Женщины.

Огонь.

Кровь.

Он не оправдывал убийство. Это было важно. Тарг не дурак. Он не сказал: “правильно, что умер”. Это сломало бы всё сразу.

Он сказал другое.

У многих есть кровь за Оргом и такими, как он. У многих есть мёртвые, которых не вернёшь запретом. Если Арк требует терпеть бывших Морха у огня, Арк должен дать людям не только приказ, но и правду.

Кто убил?

Кто держал красный нож?

Почему южный металл оказался знаком нового круга, если он уже пахнет смертью?

Сильный ход.

Опасный.

Потому что он бил не по Хаду, а по Арку.

И чуть-чуть по мне.

Арк ничего не ответил сразу. Он смотрел на снег рядом с телом.

Нор уже был там. Молча, почти на четвереньках, он изучал следы. Его пальцы двигались над снегом, не касаясь лишнего. Он видел больше нас всех. В такой момент следопыт важнее вождя. Вождь решает, что делать с правдой. Но сначала кто-то должен эту правду найти.

Нор показал на землю.

Я подошёл.

Следы были испорчены. Слишком много людей подбежало на крик. Но у самого края, под выступом камня, сохранился один отпечаток.

Тот самый.

Мягкая обмотка. Узкий глубокий срез на пятке.

Нор посмотрел на Арка. Потом на меня. Потом на старуху с белыми волосами, которая уже подошла к кругу и стояла чуть в стороне, как чёрная ветка в дыму.

Она увидела след и изменилась в лице.

Не испугалась.

Узнала.

Арк заметил это.

— Что? — спросил я по-русски, зная, что ответа словами не получу.

Старуха опустила руку рядом со следом. Провела пальцами по краю отпечатка. Потом по воздуху рядом, будто вспоминала форму вещи, которой здесь давно не было. Сказала одно слово.

Я не понял.

Арк понял.

Хад, кажется, тоже.

Тарг нахмурился.

Сая подошла ко мне ближе и тихо сказала:

— Старый след.

Потом искала слова. Показала на север. Потом на юг. Потом ладонью — как человек уходит из круга.

Изгнанник?

Ушедший?

Отрезанный?

— Род? — спросил я, показывая на группы вокруг.

Она кивнула неуверенно.

— Был род. Мало. Давно.

Старуха произнесла ещё несколько слов. Теперь её голос стал суше. В нём было не только узнавание, но и неприязнь. Я ловил отдельные части: огонь, юг, ушёл, вернулся.

Арк перебил её коротким словом.

Она замолчала. Но не потому, что согласилась. Скорее потому, что старик не хотел проносить это перед всеми.

Поздно.

Все уже поняли главное.

След не принадлежал людям Хада.

Не людям Арка.

Не волчьим.

И не мёртвому.

Кто-то пришёл извне.

Кто-то, о ком старшие знали и молчали.

Хад медленно повернул голову к Арку.

— Кто? — спросил он.

Это слово я уже понимал.

Кто?

Самый опасный вопрос в любом круге.

Арк не ответил сразу.

И эта пауза стала новой трещиной.

Тарг шагнул вперёд.

— Арк, — сказал он.

Не грубо. Но уже не как младший, который ждёт, пока старший сам решит, что сказать. В голосе Тарга было требование.

Арк посмотрел на него.

Потом на всех.

И всё-таки сказал.

Слова были короткие. Медленные. Сая переводила мне шёпотом, кусками, пока он говорил.

Когда-то был человек из северных. Из малого рода у дальнего ручья. Его звали — Эйвар. Или Эйварн. Сая произнесла имя неуверенно: звуки были старыми, несчастными.

Этот человек ушёл на юг много зим назад.

Не как пленник.

Не как посланник.

Ушёл после крови внутри своего рода.

Потом его знак находили у южных троп. Потом перестали.

Старшие считали, что он умер.

Старуха не считала.

— Почему не сказал? — спросил Хад.

Тут перевод не был нужен.

Арк ответил жёстче. Потому что слух о мёртвом изгнаннике не кормит детей и не держит копья. Потому что сначала был Кхар-Мор. Потому что нельзя каждую старую тень называть врагом, пока она не встала перед огнём.

Хад смотрел на него долго.

— Теперь встала, — сказал он.

И снова не нужен был перевод.

Я посмотрел в сторону центрального огня, где торчал южный нож.

Если убийца — этот Эйвар, северный проводник южан, значит, он не просто пришёл посмотреть. Он уже знает нашу структуру. Знает, что Хад — слабое место. Знает, что металл — соблазн и подозрение. Знает, что первое правило нового круга — не мстить внутри.

И в первую же ночь ударил именно по нему.

Я поднялся.

Боль в боку после вчерашних ран дёрнула, но терпимо. Я подошёл к южному ножу. Старуха перегородила мне путь взглядом.

Я остановился.

Показал на нож. На тело. На след. Потом на нож снова.

Нужно проверить.

Она смотрела на меня долго. Потом отступила на полшага.

Не разрешение.

Но достаточно.

Я взял нож за рукоять и вытащил из снега.

Лезвие было чистым.

Слишком чистым.

Красноватый металл в слабом свете огня казался почти тёмным. На кромке виднелись мелкие неровности, следы правки и старых ударов. Не совершенное оружие. Не клинок будущего. Но в руке всё равно чувствовалось: эта вещь чужая для здешнего порядка.

На нём не было крови. Ни свежей, ни замёрзшей у края.

Но это ничего не доказывало.

Мягкий металл можно вытереть. Нож могли очистить снегом, жиром, мхом. Или удар был сделан другим южным лезвием. Или убийца хотел, чтобы мы спорили именно об этом клинке.

Я показал всем лезвие.

Чистое.

Часть людей выдохнула.

Часть, наоборот, загудела сильнее.

Чистое — значит, кто-то мог вытереть.

Чистое — значит, его брали.

Чистое — значит, неизвестно.

Неопределённость всегда хуже факта.

Тарг подошёл ближе.

Его взгляд был на ноже.

— Дай, — сказал он.
Я понял слово не сразу. Но жест понял.
Он протянул руку.
Несколько молодых за его спиной замерли.
Хад тоже смотрел.
Арк не двигался.
Вот он, момент.
Если я дам нож Таргу — покажу, что южный металл должен быть у сильной руки. Молодые поймут это правильно. Слишком правильно.
Если не дам — Тарг воспримет как недоверие. Его люди тоже.
Если отдам Арку — Хад увидит, что нож снова у старого огня.
Если воткну обратно — мы ничего не решим.
Сая стояла сбоку и смотрела не на меня, а на лица вокруг. Она уже понимала. Южный нож сейчас был важнее мёртвого Орга. Орг стал причиной. Нож — будущей властью.
Я медленно повернул нож в руке.
Рукоять к себе.
Лезвие вниз.
Потом опустился на одно колено и положил нож на снег между Арком, Хадом и Таргом.
Не в руку.
Между.
Тарг нахмурился.
Я взял палку и нарисовал рядом три знака.
Арк — копьё.
Хад — пластина.
Тарг — дубина.
Потом отдельно — нож.
Показал на юг.
На след.
На мёртвого.
На нож.
Потом провёл линию от ножа к каждому из трёх знаков и перечеркнул.
Не принадлежит никому.
Пока.
Тарг смотрел, и я видел, как в нём борются две вещи. Желание взять. И понимание, что взять сейчас — значит подтвердить: южный металл важнее круга.
Хад сказал что-то первым.
Сая перевела тихо:
— Он говорит... нож должен лежать у смерти, пока не узнаем, чья это смерть.
Странная фраза.
Но сильная.
Арк кивнул.
Старуха подошла, взяла горсть золы и снова посыпала снег вокруг ножа. Потом положила рядом маленькую кость Орга — не знаю, откуда взяла, возможно, из его пояса. Знак мёртвого.
Теперь нож был не трофеем.
Не оружием.
Не призом для сильного.
А предметом ответа.
Здесь не было слова “улика”.
Значит, надо было сделать так, чтобы люди поняли без слова.

Тарг наконец отступил.

Медленно.

Но отступил.

Я выдохнул.

Рано.

Потому что следующий вопрос был хуже.

Кто будет искать убийцу?

Люди Хада требовали своих. Люди Арка не хотели пускать их к следу одних. Тарг хотел идти со своими. Волчьи смотрели из темноты так, будто уже знали, что все люди с огнями слишком громкие, чтобы поймать того, кто умеет ходить по снегу.

Варг подошёл ближе. Молча. Посмотрел на след. Потом на Нора.

И сказал несколько слов.

Сая перевела:

— След не один.

Нор нахмурился. Варг присел, показал дальше, к камням. Там, где мы с Нором видели только уход к ручью, волчий заметил ещё одну деталь: не отпечаток, а отсутствие снега на мху под корнем. Кто-то касался земли рукой. Не падал. Проверял. Может, оставлял знак.

Варг поднял тонкую полоску коры.

На внутренней стороне была зарубка.

Две расходящиеся линии и короткая черта у края.

Тот же знак, который Нор нарисовал раньше.

Старуха увидела кору и тихо выругалась.

Арк закрыл глаза на одно мгновение.

Эйвар.

Теперь это было не подозрение старухи.

Это было сообщение.

Он не просто убил Орга. Он оставил подпись для тех, кто сможет прочитать. Не для всех. Для старых. Для Арка. Для тех, кто помнил его имя.

Я взял кору, посмотрел на знак.

В моём мире такие люди были самыми опасными. Не те, кто просто убивает. А те, кто убивает и оставляет контролируемый смысл. Он хотел, чтобы Арк понял. Хотел, чтобы Хад узнал, что Арк что-то скрывал. Хотел, чтобы мы начали требовать объяснений до того, как сможем действовать.

Хорошо.

Значит, это не одиночная месть.

Это операция.

Без громких слов.

Без войска.

Без южных людей у ворот.

Один удар, один знак, один мёртвый — и новый союз уже проверяет собственные швы.

Арк наконец заговорил.

Коротко. Приказом.

Нор.

Варг.

Я.

Один человек Хада.

Один человек Тарга.

След проверить сейчас, до снегопада и до рассвета. Остальные — не расходиться. Орга не трогать до возвращения следопытов. Нож остаётся у огня под старухой.

Хад хотел возразить. Потом посмотрел на своего мёртвого и кивнул.

Тарг тоже хотел идти сам. Я видел. Но Арк выбрал не его, а одного из молодых. Умно. Если Тарг уйдёт, его круг останется без удерживающей руки. Если оставить его, молодые не сорвутся следом. Кроме того, если Тарг найдёт убийцу первым, живым тот вряд ли вернётся.

Тарг понял причину.

И ему она не понравилась.

Но он остался.

Сая подошла ко мне, когда мы уже собирались. В руках у неё был маленький свёрток с мхом и кожей. Она протянула мне.

Я взял.

Она тихо сказала:

— Не один.

Я посмотрел на неё.

Она показала на след, потом на юг, потом на стоянку.

Не один враг.

Не одна цель.

Не одна ночь.

Я кивнул.

Она задержала взгляд на мгновение дольше, чем нужно. Потом сразу отошла к мёртвому, к Хаду, к женщинам. Правильно. Сейчас нельзя было давать Таргу лишнюю боль.

Мы вышли к ручью пятеро.

Нор впереди. Варг чуть левее, уже не как пленник, но и не свободный полностью. Человек Хада — широколицый, с коротким копьём, звали его, кажется, Эр. Молодой Тарга — тот самый с рассечённой бровью, который днём хотел крови, — шёл справа и всё время смотрел на людей Хада так, будто убийца должен быть среди них. Я замыкал, чтобы видеть всех.

Снег начал сыпать мелкой крупой.

Плохо.

Следы проживут недолго.

Нор вёл нас вдоль ручья, но не по берегу. По камням, корням, старым провалам. Иногда он останавливался и показывал едва видимую деталь: согнутую ветку, срезанный край снега, пятно, где человек поставил руку. Варг видел другое: запах, движение зверей, странную тишину в тех местах, где недавно кто-то проходил.

Они не спорили.

Это было интересно.

Следопыт Арка и волчий не любили друг друга. Но снег для них был общим языком. И в этом языке оба признавали силу другого, даже если никогда не сказали бы этого у огня.

След шёл к ручью, потом резко уходил вниз по течению. Там, где тонкий лёд скрыл бы отпечатки. Убийца перешёл воду в месте, где человек без знания тропы провалился бы по колено.

Он не провалился.

На другом берегу след почти исчез.

Почти.

Варг нашёл на снегу маленькое тёмное пятно.

Не кровь.

Жир.

Он понюхал, поморщился и сказал слово, которого я не знал.

Сая рядом не было, переводить было некому.

Но Нор понял.

Юг.

Или что-то связанное с южными людьми.

Жир был с запахом дыма, но не нашего. Другой способ обработки кожи? Смазка для обуви? Чтобы снег не лип? Чтобы вода не проходила? В любом случае — не местная привычка. Или редкая.

Убийца ушёл не просто как северянин.

Он принёс с собой чужой способ.

След повернул к каменной гряде. Там мы нашли второе сообщение.

На тонкой берёзовой коре, засунутой в расщелину камня, были три зарубки.

Не рисунок.

Не письмо.

Но знак.

Две расходящиеся линии.

Короткая черта.

И рядом — маленькая точка.

Эр, человек Хада, выругался. Молодой Тарга поднял копье, будто знак можно было ударить.

Я взял кору.

В этот раз знак был сделан острым лезвием. Очень острым. Край зарубки ровный, чистый. Каменным остриём тоже можно резать кору, но здесь линия была другой: не продавленная, не рваная, а снятая одним уверенным движением.

Красный металл.

Или другой южный острый предмет.

Снова.

Я показал Нору. Он кивнул.

Варг смотрел в лес.

Не на знак.

Я заметил.

— Что? — спросил я.

Он не ответил. Поднял руку.

Все замерли.

Сначала я ничего не услышал.

Потом — хруст.

Далеко.

Слишком далеко для человека, который убегает в панике. Слишком близко для того, кто уже ушёл.

Он был рядом.

И хотел, чтобы мы поняли это.

Молодой Тарга рванулся первым.

Конечно.

Я успел схватить его за мех и резко дёрнуть назад. Он развернулся, почти ударив меня древком копья.

Я показал вниз.

На снег.

Перед ним, в двух шагах, между камнями была тонкая линия. Кожаная петля, присыпанная снегом.

Ловушка.

Не смертельная. Скорее задержать, сбить, заставить кричать. А дальше — кто знает.

Молодой побледнел.

Варг тихо фыркнул.

Нор перерезал петлю каменным ножом. Потом показал на лес: не идти прямо.

Мы обошли гряду широкой дугой. След там уже почти исчезал. Снег усиливался. Тот, кто нас вёл, умел выбирать время. Ещё полчаса — и вся дорога будет закрыта белым шумом.

Но он оставил третью вещь.

Не знак.

Предмет.

Под низкой елью, подвешенный на тонком ремешке, висел маленький кусок красноватого металла. Не нож. Не наконечник. Пластинка размером с ноготь большого пальца, с дыркой у края. Тусклая, чуть неровная, но всё равно слишком гладкая для камня и кости.

Я снял её осторожно.

На одной стороне была царапина.

Не случайная.

Линия, похожая на дорогу.

И точка в конце.

Юг?

Стоянка?

Приглашение?

Или угроза?

Нор смотрел на пластинку так, будто это был зуб неизвестного зверя.

Эр сказал что-то глухо. Молодой Тарга молчал. Даже он понял, что это уже не охота на убийцу. Это чужая игра.

Варг наконец произнёс несколько слов. Медленно, чтобы я понял хотя бы часть. Он показал на пластинку. Потом на меня. Потом на юг.

Я понял.

Это оставили не Хаду.

Не Арку.

Не Таргу.

Мне.

Я сжал пластинку в пальцах.

И впервые за эту ночь почувствовал не холод, не боль, не усталость.

Злость.

Чистую, спокойную, знакомую.

Меня вызывали.

Не на бой. Не на поединок. Не на крик у камня.

На игру, где каждый неверный шаг будет стоять чужой крови.

Мы вернулись к стоянке почти под утро. Снег уже заметал наши следы за спиной. Нор сразу пошёл к Арку. Варг — к волчьим. Эр — к Хаду. Молодой Тарга остановился у своего круга и долго говорил с Таргом, показывая то место, где едва не попал в петлю. Говорил тихо. Уже без прежнего презрения.

Это было полезно.

Страх, который не убил, иногда учит быстрее слов.

Орг всё ещё лежал между огнями. Тело накрыли шкурой, но лицо оставили открытым. Хад настоял. Пока ответ не найден, мёртвый должен смотреть на живых.

Жестоко.

Но понятно.

Арк слушал Нору, не перебивая. Потом взял у меня кусок коры. Посмотрел на знак Эйвара. Потом на металлическую пластинку.

Старуха подошла ближе. Когда увидела пластинку, её губы сжались.

— Южный зуб, — сказала Сая, появившись рядом.

Я повернулся к ней.
— Так говорят, — пояснила она, подбирая слова. — Малый металл. Не нож. Знак... тех, кто даёт металл.
Тех, кто даёт металл.
Хорошая формулировка.
Не просто южане.
Поставщики силы.
Арк долго молчал.
Потом подошёл к южному ножу, который лежал у огня рядом с золой и костью Орга.
Поднял его. Все сразу замолчали.
Он держал нож за рукоять, лезвием вниз. Не как оружие. Как опасный знак.
Потом протянул его Хаду.
Гул прошёл по стоянке.
Хад не взял.
Они смотрели друг на друга долго.
Арк сказал несколько слов.
Сая перевела мне почти шёпотом:
— Он говорит... если кровь Орга пришла через металл, Хад должен видеть металл. Не носить. Видеть.
Хад медленно протянул руку и коснулся рукояти.
Не забрал.
Только коснулся.
Потом Арк повернулся к Таргу.
Протянул нож ему.
Тарг застыл.
Это был опасный жест. Но теперь я понял. Арк давал каждому центру силы прикоснуться к металлу, но не забрать его.
Тарг положил пальцы на рукоять.
Не взял.
Но его лицо изменилось.
Для него это стоило больше, чем слова.
Потом Арк повернулся ко мне.
Я коснулся ножа последним.
Холодный.
Гладкий.
Чужой.
После этого Арк воткнул его обратно в снег.
— Никто, — сказал он.
Сая перевела:
— До ответа — ничей.
Старуха сыпала нож золой ещё раз.
Так появилось второе правило.
Южный металл не носит никто, пока не решено всем кругом.
Не идеально.
Но достаточно, чтобы пережить утро.
Орга всё-таки унесли. Не к людям Арка. Не к центру. Люди Хада сами сделали ему снежное ложе у своего огня, но Арк послал двух мужчин помогать таскать камни. Тарг, после долгой паузы, отправил одного из своих молодых тоже.
Тот пошёл неохотно.

Но пошёл.
Маленькая вещь.
В таких местах маленькие вещи держат большие.
Когда тело накрыли, Хад подошёл ко мне. В руке он держал тонкую костяную пластину.
Не свою старую, которую мы уже знали. Другую. На ней была свежая царапина — одна линия, направленная наружу.
Он протянул мне её.
Я не понял.
Сая подошла и сказала:
— След.
Потом показала на меня, на Хада, на юг.
Хад давал мне право идти по следу Эйвара от имени его крови.
Не дружбу.
Не подчинение.
Право искать.
Я взял пластину.
Кивнул.
Хад не кивнул в ответ.
Просто ушёл.
Тарг смотрел на это издали.
Потом подошёл.
Молча.
Протянул мне маленький ремень. На нём висел сломанный каменный наконечник — видимо, знак одного из его молодых. Или обещание. Или предупреждение.
— Рат, — сказал он.
Потом показал на лес. На юг. На себя.
Я понял.
Он тоже идёт.
Не просит.
Ставит факт.
Я мог сказать нет. Мог бы даже доказать, что это разумно: Тарг нужен у огня, чтобы удержать молодых. Но после ночи с петлёй и южным зубом он не позволит мне идти без него. И, честно говоря, возможно, он был прав.
Некоторые следы нельзя читать только глазами.
Иногда нужен человек, который удержит своих от глупости и чужих от желания проверить слабость.
Я взял ремень.
Тарг задержал руку на мгновение.
Не отпуская.
В его взгляде было всё то же: Сая, власть, долг, недоверие, кровь.
Но теперь там было ещё одно.
Общее направление.
Наружу.
Из полуземлянки вышла Сая. Увидела нас. Увидела ремень. Увидела пластину Хада в моей руке. Потом посмотрела на южный нож в снегу.
И сказала тихо:
— Он хотел этого.
Я повернулся к ней.
— Кто?

Она посмотрела за ручей, туда, где снег уже закрыл почти все следы.

— Тот, кто пришёл ночью.

Она была права.

Эйвар хотел, чтобы Хад дал мне право искать. Чтобы Тарг потребовал идти. Чтобы я взял на себя след. Чтобы Арк был вынужден признать старую тень вслух. Чтобы южный металл стал центром второго правила.

Он не просто проверял круг.

Он уже начал вести нас.

В старом мире это называлось перехватом инициативы.

Здесь — следом, по которому тебя ведут, даже когда ты думаешь, что сам выбираешь дорогу.

Я посмотрел на красноватую пластинку в ладони.

Маленький холодный зуб.

На ней была линия и точка.

Дорога и место.

Где-то на юге был человек, который знал моё имя, знал Арка, знал старые северные знаки и умел убивать так, чтобы один мёртвый превращался в спор всех живых.

И теперь он оставил мне приглашение.

Не словами.

Металлом.

К полудню снег окончательно замёл след Эйвара.

Но это уже не имело значения.

След остался внутри круга.

Глава 3 "Первый обмен"

Первый обмен

Утро после смерти Орга было тише, чем должно.

Не спокойнее. Именно тише.

Люди ходили между огнями, но говорили меньше. Снег за ночь почти закрыл следы вокруг тела, замёл тёмные пятна, сгладил отпечатки ног, спрятал мелкие ошибки людей. Но спрятать главное он не мог.

Кровь внутри круга уже пролилась.

И теперь каждый делал вид, что это ничего не изменило.

А изменилось всё.

У огня Хада лежало снежное ложе Орга. Камни по краям, шкура сверху, у головы — короткая кость с его знаком. Я не знал, что этот знак означал. Может быть, род. Может быть, личный оберег. Может быть, просто кусок того малого мира, который человек успел нажать до того, как чужой нож вошёл ему под ребро.

Люди Хада держались ближе друг к другу. Они больше не стояли как пришедшие в общий круг. Они снова стали отдельными. Не врагами, но уже и не частью общей работы. Их женщины почти не подходили к центральному огню. Их мужчины брали воду своим путём. Дети сидели рядом со своими матерями и смотрели на людей Арка так, как дети смотрят не сами — через страх взрослых.

У волчьих почти ничего не изменилось. И это было показательно. Они и раньше не отдавали себя кругу полностью. Их маленький огонь у леса дымил низко и почти незаметно. Звери лежали неподалёку, мордами к ветру. Варг сидел рядом с волчьим старшим и говорил мало. Иногда он смотрел на меня. Иногда на южный нож.

Нож всё ещё торчал у центрального огня.

Лезвием вниз.

Рукоять наружу.

Вокруг — зола, насыпанная старухой с белыми волосами. Рядом лежала маленькая кость Орга. Запретная вещь у мёртвого знака. Так решили ночью, когда кровь едва успела потемнеть на снегу.

Никто не трогал нож.

Но все его видели.

И этого хватало.

Красноватое лезвие почти не блестело в сером свете. Оно не было похоже на оружие моего мира. Не было правильной холодной стали. Не было заводской точности. На кромке виднелись неровности, на теле металла — следы правки, старые царапины, пятна. Южный металл был мягким. Его можно было испортить. Можно было согнуть. Можно было затупить так, что он стал бы хуже хорошего камня.

Но здесь он был чужим обещанием.

И это было страшнее.

Я видел, как молодые Тарга проходят мимо и не смотрят прямо. Только боковым зрением. Видел, как один из людей Хада задержался на полшага, потом заставил себя идти дальше. Видел, как Сая смотрит не на нож, а на тех, кто смотрит на нож. Она понимала: вещь уже работает.

Даже когда лежит в снегу.

Арк сидел у огня, но не ел. Перед ним лежали три небольшие кучки: кости с отметками людей Арка, пластина Хада и волчий клык Варга. Рядом — маленькая красноватая пластинка, которую Эйвар оставил ночью на дереве. Южный зуб.

Я не любил это название.

Слишком точное.

Зуб — это не просто кость. Это часть пасти. То, чем тебя держат.

Нор ушёл ещё до рассвета проверять дальний край. Не за Эйваром — след был уже потерян, снег сделал своё дело. Скорее убедиться, что ночной убийца не оставил вокруг стоянки новых подарков. Тарг хотел идти с ним. Арк не позволил. После смерти Орга Тарг нужен был здесь, у своих молодых. Хад нужен был у своих. Волчий старший — у лесного огня. Сая — у раненых и женщин. А я...

Я пока не понимал, где нужен я.

Слишком много людей теперь смотрело на меня как на человека, который должен знать, что делать дальше.

А я не знал.

Это было честно.

Против прямой угрозы я ещё мог работать. Засада, отход, дозор, ложный след, укрепление периметра, распределение сил, контроль паники. Всё это было понятно. Мир менялся, инструменты менялись, но логика оставалась.

Сейчас враг бил не в периметр.

Он бил в желание людей выжить.

Против этого копье бесполезно.

К середине утра начали считать еду.

Это была самая неприятная работа после смерти.

Потому что смерть хотя бы честна. Человек лежит — и всё. Еды или хватает, или нет. Но когда считаешь еду, ты каждый раз видишь будущую смерть заранее.

Сая вела счёт вместе со старухой и двумя женщинами — одной из людей Арка, второй из Хада. Это было новым. Ещё вчера люди Хада не подпустили бы свою женщину к общему запасу. Сегодня Хад сам послал её, потому что после Орга уже нельзя было верить словам. Нужно было видеть своими глазами.

На снегу раскладывали мешки и связки.

Сушёное мясо.

Жир.

Корни.

Сухие травы.

Куски коры, которые можно было добавлять в отвар.

Немного костного мозга, спрятанного в длинных костях.

Шкуры, которые можно было обменивать или пустить на обувь.

Ремни.

Кремень.

Кость.

Каждая вещь имела вес. Не только физический. Зимний. Если взять лишний кусок мяса сегодня, кто-то не получит его через три дня. Если отдать жир раненому, ребёнок ночью будет дрожать дольше. Если сохранить сухие жилы для ремонта ремней, можно не зашить чью-то одежду сейчас. Если не зашить — человек замёрзнет раньше, чем ремень пригодится.

Я стоял рядом и смотрел, как Сая делит мир на маленькие кучки.

Раньше я думал, что война — это место, где тяжелее всего выбирать.

Нет.

Еда тяжелее.

В бою хотя бы есть движение. В бою решение кричит: сейчас. Здесь. Бей. Отходи. Ложись.

Тяни. Оставь.

У еды нет крика.

Только медленный счёт.

Сая взяла маленький комок жира, подержала в ладони, потом переложила из одной кучки в другую. Женщина Хада резко сказала что-то. Сая ответила спокойно. Та повысила голос. Женщина Арка тоже вмешалась. За несколько секунд вокруг обычного куса жира возникло то, что могло стать новым Оргом к ночи.

Я шагнул было вперёд, но остановился.

Не моя сцена.

Если я вмешаюсь, это будет выглядеть так, будто чужак решает, чей ребёнок ест. После этого можно уже не ждать Эйвара. Мы сами сделаем его работу.

Сая не посмотрела на меня.

И хорошо.

Она сама развернула ладонь, показала жир, потом указала на раненых. Потом на детей. Потом на общий котёл. Говорила коротко, жёстко, без попытки понравиться. Женщина Хада скривилась, но замолчала. Женщина Арка отвернулась. Не потому что согласилась полностью. Потому что спорить дальше означало признать, что её собственные дети важнее чужих при всех.

Сая выиграла.

Но победительницей не выглядела.

Когда женщины разошлись, она подняла на меня глаза.

— Мало, — сказала она.

Это слово я знал.

Мало.

Она показала на запасы.

На детей.

На раненых.

На лес.

Потом провела рукой вниз, как солнце уходит за край.

Дни.

Я понял.

Еды мало не “вообще”. Это мы знали и так. Еды мало до конца зимы. Даже если охота будет удачной. Даже если никто больше не умрёт. Даже если люди Хада и волчьи будут добывать вместе. Даже если не будет новых ран, новых детей с кашлем, новых потерь.

Слишком много если.

Я присел рядом с кучками. Взял несколько косточек и начал раскладывать. Люди. Дни. Порции. Раненые. Дети. Охотники. Дозоры. Потери. Добыча.

Сая смотрела, как я считаю.

Старуха тоже.

Цифр у нас не было в привычном виде, но счёт был. Пальцы, камешки, кости, зарубки. Я собрал грубую модель — настолько простую, насколько мог. Даже в ней картина выглядела плохо.

Сая поняла быстрее остальных.

Она не стала говорить.

Просто жала губы.

Вот почему Юг был опасен.

Не потому, что где-то там был человек с красным ножом.

А потому, что у нас не было ответа на голод.

Первый чужой дым заметили ближе к полудню.

Не Нор. Его ещё не было.

Один из волчьих.

Он поднялся у лесного края, постоял, втягивая воздух, потом коротко свистнул. Варг сразу повернул голову. Волчий старший встал. Один из зверей поднялся вместе с ним и оскалился в сторону северо-востока.

Люди у центрального огня напряглись.

Тарг взял копье.

Хад поднялся у своего огня.

Арк не двигался несколько секунд. Потом сказал короткое слово, и стоянка стала собираться в оборону без крика. Уже лучше, чем раньше. Мужчины к краям. Женщины к детям. Раненых глубже. Молодых — не впереди, а туда, где им указали. Тарг рывкнул на одного своего, который хотел выбежать к склону. Тот замер и вернулся в линию.

Хорошо.

Мы учились.

Дым был слабый. Один. Не широкий, как от большого отряда. Не быстрый, как от пожара. Скорее маленький костёр, который нарочно дали увидеть.

Не нападение.

Сигнал.

Нор вернулся через несколько минут. С ним был один подросток Арка, запыхавшийся, красный от холода. Нор сразу подошёл к Арку и заговорил. Коротко. Показывая пальцами.

Люди.

Мало.

С детьми.

Не Морха.

Хад услышал и нахмурился. Варг подошёл ближе, прислушиваясь. Тарг не опустил копье. — Кто? — спросил Арк.

Нор ответил именем, которое я не знал.

Но Хад знал.

Он резко выдохнул и сказал что-то своим. Те переглянулись.

Сая подошла ко мне и тихо перевела:

— Род с Ломаного ручья. Малый. Они не пришли к Камню Волка.

— Почему? — спросил я.

Она поняла вопрос по жесту.

Пожала плечом.

— Боятся. Всегда боятся. Но живут.

В этом мире это была не насмешка.

Скорее характеристика стратегии.

Всегда боятся. Но живут.

Иногда это лучше, чем быть храбрым и лежать в снегу.

Арк долго думал. Потом приказал не выпускать всех навстречу. К стоянке пошли Нор, двое мужчин Арка, один человек Хада и Варг — по настоянию волчьего старшего. Тарг хотел идти, но Арк снова оставил его. Тарг не спорил. Плохо, когда человек перестаёт спорить, но продолжает злиться. Это значит, что он ищет другое место для решения.

Я пошёл тоже.

Не первым. Не как главный. Но Арк посмотрел на меня и коротко кивнул. После ночи с южным зубом он хотел, чтобы я видел всё, что пахнет Югом.

Мы поднялись к верхнему краю низины. Оттуда открывался вид на редкий лес, ручей и тропу, по которой к нам медленно двигались люди.

Их было двенадцать.

Нет, тринадцать.

Сначала я посчитал мужчин с копьями — пятеро. Потом женщин — трое. Двое детей, один подросток с коротким луком, старик, который шёл, опираясь на палку, и ещё один человек на волокуше, прикрытый шкурой. Раненый или больной.

Они не выглядели как отряд.

Они выглядели как вопрос, который слишком долго шёл по снегу.

Одежда у них была хуже, чем у людей Арка. Больше заплат, больше старых шкур, больше веревок вместо ремней. Один мужчина нёс копьё с треснувшим древком, перевязанным жилами. У женщины на плече висел ребёнок, укутанный так, что видно было только маленькое красное лицо. Ребёнок не плакал. Это было плохо. У маленьких детей тишина часто страшнее крика.

Старик шёл впереди.

Не потому что самый сильный. Потому что его должны были слушать.

Когда они увидели нас, остановились. Мужчины подняли копья, но не направили. Старик поднял пустую ладонь. Потом медленно вынул из-за пазухи маленький мешочек и положил на снег перед собой.

Жест мира?

Или обмена?

Нор посмотрел на Варга. Варг понюхал воздух, затем коротко сказал что-то.

— Не кровь, — перевёл человек Хада, который шёл с нами.

Я это слово уже понял.

Не кровь.

Хорошо.

Мы остановились на расстоянии броска копья. Нор крикнул. Старик ответил. Они обменялись несколькими фразами. Потом Нор повернулся к нам:

— Говорить.

Мы провели их не в центр стоянки, а на край. Правильно. Сразу к огню пускать нельзя. Но держать на холоде слишком долго тоже нельзя: это будет оскорблением, если они пришли с миром, и провокацией, если с ловушкой.

Арк вышел к ним сам.

Хад тоже подошёл — не рядом с Арком, но так, чтобы старик Ломаного ручья видел: здесь теперь не один огонь.

Тарг стоял за спиной Арка с копьём. Не прятался. Показывал силу. Сая вышла после него, с мешком трав на поясе. Старуха с белыми волосами стояла у центрального огня, не приближаясь, но видела всё.

Люди Ломаного ручья смотрели вокруг с напряжением. Они видели Хада. Видели волчьих. Видели людей Арка. Видели южный нож, торчащий в снегу под золой. Видели больше, чем, возможно, хотели.

Старик поклонился не так, как подчинённый. Скорее как человек, который признаёт опасность чужого огня.

Потом поднял мешочек, который положил на снег, и протянул Арку.

Арк не взял.

Посмотрел на Саю.

Сая взяла.

Открыла.

Внутри было белое.

Не снег.

Не кость.

Соль.

Настоящая соль.

Мелкие сероватые кристаллы, слипшиеся от влаги в маленькие комки. Запах почти отсутствовал, но я сразу понял по лицам людей, что это не просто приправа.

Соль в таком мире — не вкус.

Это сохранный кусок.

Это тело, которому нужно держаться.

Это обмен.

Это власть.

Сая взяла маленькую щепотку, коснулась языком. Потом кивнула Арку.

По стоянке прошёл тихий звук.

Соль увидели все.

И этого хватило, чтобы разговор стал другим.

Старик Ломаного ручья начал говорить. Голос у него был сухой, но не слабый. Я понимал плохо, но Сая, стоявшая чуть сбоку, тихо переводила мне кусками.

Они пришли не просить защиты.

Не совсем.

Они пришли говорить об обмене.

Южные люди — не здесь, дальше, за тремя дневными переходами к низким холмам, где снег лежит меньше и вода не прячется так глубоко. У них есть стоянка. Не такая, как наши. Крепкая. С оградой. С запасами. С сушёной едой. С солью. С красным металлом. Они не всегда берут силой. Они дают.

Это слово старик повторил несколько раз.

Дают.

Дают соль.

Дают красный нож.

Дают крепкие шила, которые не крошатся как кость.

Дают еду, если голод пришёл раньше весны.

Дают защиту тем, кто держит слово.

Тарг фыркнул.

Старик услышал и повернул к нему голову. Не обиделся. Не испугался. Просто посмотрел как на молодого человека, который ещё не считает пустые животы.

Потом продолжил.

Южане берут шкуры, хороший камень, кость, мех, сведения о тропах, иногда людей в проводники, иногда женщин, умеющих лечить, иногда сильных молодых на работу у их огня. Но главное — они помнят долг. Если род берёт много, он должен дать залог.

Сая перестала переводить на мгновение.

Я посмотрел на неё.

— Что?

Она медленно сказала:

— Залог.

Потом показала: человек уходит. Потом возвращается. Потом еда.

Я понял.

Заложник.

Но слово было не таким.

В старом мире слова тоже много решали. “Заложник” звучит как преступление. “Гарантия” — как договор. “Гость” — как вежливость. Суть иногда одна и та же: человек удерживается у сильной стороны, чтобы слабая выполняла условия.

Юг, похоже, знал это без университетов и контрактов.

Старик Ломаного ручья сказал ещё. Сая переводила, подбирая слова:

— Они не говорят пленник. Говорят... зимний человек. Человек, который сидит у их огня до весны. Если род отдаёт долг — человек возвращается.

Хад резко сказал что-то.

Голос его был плохой.

Старик повернулся к нему и ответил. Не оправдываясь. Скорее устало.

Он показал на женщину с ребёнком. Потом на волокушу с больным. Потом на мешочек соли. Потом на юг.

Смысл был понятен даже без перевода: попробуй накормить их честью.

Тарг шагнул вперёд.

— Своих не дают, — сказал он.

Эту фразу я понял почти полностью.

Своих не дают.

Простая. Сильная. Правильная.

И недостаточная.

Старик Ломаного ручья посмотрел на него долго. Потом сделал жест рукой. Женщина позади него подтолкнула вперёд подростка — того самого, с коротким луком.

Парень был лет четырнадцати или пятнадцати. Худой, с широкими скулами, в меховой одежде, которая сидела на нём лучше, чем на остальных. На ремне у него висела маленькая красноватая пластинка с дыркой, как южный зуб, только без знака дороги. Он держался прямо, но глаза бегали.

Старик положил руку ему на плечо.

Сая тихо сказала:

— Он был там.

Я посмотрел на подростка внимательнее.

У южан.

Зимним человеком.

Залогом.

Парень вернулся живым.

Не просто живым. Одетым лучше. С маленьким южным знаком на ремне. С луком, у которого тетива была сделана аккуратнее, чем у большинства здешних. С ножом? Нет. Ножа не было. Только пластинка. Знак.

Вот так работает система.

Вернуть одного живым — и все остальные сами начнут думать.

Старик говорил дальше. Его род взял соль и сушёную еду прошлой зимой. Отдал мальчика. Весной отдал шкуры и кремёнь. Мальчик вернулся. Не побитый. Не сломанный. С подарком.

Женщина с ребёнком вдруг сказала что-то сама. Голос у неё был тихий, но все услышали. Она показала на подростка. Потом на ребёнка у себя на плече. Потом на мешок соли. Потом на свои губы.

Сая переводила уже не мне одному. Она говорила громче, чтобы Арк тоже слышал смысл: — Она говорит... один ушёл. Все ели.

Тишина стала тяжёлой.

Тарг сжал копьё.

Хад смотрел на женщину с ребёнком.

Арк — на старика.

Я — на подростка.

Мальчик, который был залогом, не выглядел счастливым. Это было важно. Он не улыбался, не рассказывал, как хорошо было у южан. Он стоял прямо, потому что на него смотрели. Но пальцы у него дрожали.

Сая заметила.

Она подошла к нему медленно, не как к пленнику и не как к гостю. Показала на его руку. Он не сразу понял. Потом протянул. На запястье под меховой обмоткой были старые следы ремня.

Не глубокие.

Не как у похищенных Морха.

Но были.

Сая посмотрела на старика Ломаного ручья.

Тот не отвёл глаз.

Он не лгал. И не говорил всю правду.

Вот она, сила Юга.

Не белое и не чёрное.

Мальчик вернулся живым.

Мальчик был связан.

Род ел.

Род теперь снова пришёл с солью — и, возможно, с предложением.

Арк наконец заговорил. Он спросил прямо: зачем они пришли к нам?

Старик показал на южный нож у огня. Потом на красную пластинку, которую я принёс ночью. Потом на меня.

На меня.

Разговор стал ещё тише.

Сая перевела не сразу. Её лицо изменилось.

— Они слышали... здесь чужак. Убил Кхар-Мора. Не убил волчьего. Держит красный нож... но не носит.

Я усмехнулся про себя.

Слухи бегают быстрее людей.

И всегда приходят уже с чужими ногами.

Старик продолжал. Южные люди хотят говорить не только с малыми родами. Теперь, после Камня Волка, на севере есть новый круг. Не один род. Несколько. Если новый круг хочет пережить зиму, он может взять обмен. Соль. Еду. Малый металл. Может не идти в южную стоянку как проситель. Может отправить слово.

Цена?

Я уже знал ответ.

Но всё равно ждал.

Старик показал на мешочек соли. Потом на второй маленький свёрток, который достала женщина. Развернули.

Там лежало шило.

Красноватое.

Тонкое.

Кривоватое, но металлическое.

Не оружие. Инструмент. И поэтому, возможно, ещё опаснее.

С таким шилом можно быстрее прокалывать кожу, чинить обувь, шить плотные ремни, работать с сухожилиями. Маленькая вещь. Не военная. Но для зимы — ценнее лишнего ножа.

Сая смотрела на него как человек, который сразу понял цену.

Старуха с белыми волосами подошла ближе.

Она тоже поняла.

Шило лежало на мехе, маленькое, тусклое, красноватое. Вокруг него люди видели не просто металл. Они видели сухие сапоги. Целые ремни. Быстро зашитые шкуры. Меньше замёрзших пальцев. Больше шансов дожить.

Вот так Юг заходил глубже, чем копьё.

Нож соблазняет воина.

Шило соблазняет всех.

— Цена? — спросил Арк.

Старик молчал несколько секунд.

Потом показал на свой род. На соль. На шило. На юг. Потом на нас.

Сая переводила медленно:

— Если новый круг хочет первый обмен... нужен залог. Не много. Один. До весны.

Шум ударил сразу.

Не крик. Хуже. Одновременный выдох десятков людей, которые уже поняли, но ещё не решили, что чувствуют.

Тарг сказал первым:

— Нет.

Коротко.

Так, что даже без перевода ясно.

Нет.

Хад не сказал ничего. И это было опаснее.

Арк тоже молчал.

Сая смотрела на шило. Потом на детей. Потом на раненые повязки, которые сама же вчера перетягивала костяной иглой. Потом на подростка, который вернулся от южан живым и с ремнём на запястье.

Я видел, как работает её мысль.

Она не хотела заложника.

Но она уже видела, сколько людей может спасти одно шило и мешок соли.

Вот что страшно.

Не когда враг предлагает зло.

А когда он предлагает решение, к которому ты сам не дошёл.

Женщина из людей Арка, у которой было двое детей и муж с раной плеча, вдруг сказала тихо:

— Если это спасёт детей...

Она не закончила.

Но и не нужно было.

Все слышали.

Тарг резко повернулся к ней. Она опустила глаза, но не отступила. Не сказала: “я не это имела в виду”. Потому что имела.

Если это спасёт детей, почему нельзя?

Кто ответит?

Тарг со своим “своих не дают”?

Арк со старым кругом?

Хад, который сам вчера требовал защиты для своих?

Я, чужак, который не имел здесь ни сына, ни дочери, чтобы поставить их на весы?

Сая шагнула к женщине. Я думал, она остановит её. Или скажет что-то жёсткое.

Нет.

Она просто спросила:

— Кого?

Женщина подняла голову.

Не поняла.

Сая повторила. Показала на её детей. На одного. На другого. Потом на юг.

Кого?

Вот так.

Не “если это спасёт детей” вообще.

А кого именно ты отдашь?

Старшего?

Младшего?

Того, кто сильнее?

Того, кто больше ест?

Того, кто сможет выжить у чужого огня?

Того, по кому будешь меньше кричать ночью?

Женщина побледнела.

Ничего не сказала.

Сая не была жестокой.

Она была честной.

Любая система, которая говорит “один ради всех”, должна однажды назвать имя этого одного.

Тишина стала другой.

Старик Ломаного ручья смотрел на Саю внимательно. Возможно, впервые за разговор увидел в ней не просто дочь Арка или женщину у раненых, а человека, который умеет резать словом точнее, чем красный нож.

Я вышел вперёд.

Пора было говорить мне.

Хотя языка всё ещё не хватало.

Я взял палку и нарисовал на снегу простой порядок.

Юг.

Наш круг.

Между ними — соль.

Шило.

Еда.

Потом маленькая фигура человека, уходящего к югу.

Все смотрели.

Я нарисовал весну. Насколько мог: солнце, вода, человек возвращается. Рядом — новые мешки. Новая соль. Новый долг. Ещё один человек уходит. Потом ещё.

Потом нарисовал тропу, которая сначала тонкая, потом шире. Потом квадрат южной стоянки стал больше. Наш круг — меньше.

Я показал на старика Ломаного ручья. На подростка. На его ремень со следами. Потом на шило.

Не зло.

Долг.

Долг, который кормит.

Долг, который возвращает.

Долг, который потом просит ещё.

Старик понял. Лицо его стало жёстче.

Он сказал несколько слов. Сая перевела:

— Он говорит... долг лучше смерти.

Я кивнул.

Нарисовал смерть. Людей в снегу. Пустой котёл. Потом снова долг.

Да.

Иногда лучше.

И именно поэтому он опасен.

Я не знал, как сказать это жестом.

В старом мире долги тоже кормили людей. Кредиты, инвестиции, контракты, авансы. Ты берёшь сейчас, потому что иначе не выживешь или не вырастешь. Потом отдаёшь больше. Если можешь — это инструмент. Если не можешь — цепь. Разница не в слове. Разница в том, кто считает.

Юг считал лучше нас.

Это я понял уже сейчас.

Я показал на южное шило. Потом на мешок соли. Потом на людей вокруг. Потом на Арка, Хада, волчьего старшего, Тарга, Саю. Затем нарисовал несколько маленьких костей между нами.

Если брать — только всем кругом.

Не один род тайно.

Не одна мать ночью.

Не один молодой за красный наконечник.

Все видят. Все знают. Все решают.

Арк смотрел на рисунок долго.

Хад тоже.

Тарг скривился. Для него сама мысль взять что-то у Юга была почти плевком. Но он тоже видел мешочек соли. Видел шило. Видел детей.

Волчий старший вдруг сказал несколько слов.

Редко он говорил у общего огня. Поэтому все повернулись.

Сая перевела:

— Он говорит... кто отдаёт человека за еду, потом отдаёт след. Кто отдаёт след, потом не выбирает, куда идти.

Волчьи понимали свободу иначе, чем остальные.

Для них залог был не договором.

Цепью.

Пусть с едой.

Варг добавил что-то коротко. Его голос был резким.

Сая помедлила, потом перевела:

— Он говорит... Кхар-Мор тоже кормил тех, кто шёл первым.

Сильный удар.

Юг и Кхар-Мор не были одинаковыми.

Но связь появилась.

Кхар-Мор давал добычу за подчинение страху.

Юг давал еду за подчинение долгу.

Разница огромная.

И не такая большая, как хотелось бы.

Старик Ломаного ручья рассердился. Его голос стал громче. Он показывал на своего подростка, на женщину с ребёнком, на больного на волокуше. Говорил, что его род не лёг под южан. Что они взяли и вернули. Что его мальчик жив. Что у них была соль, когда у других дети ели кору. Что с южанами можно говорить, если держать слово.

Хад слушал внимательно.

Слишком внимательно.

Я это видел.

Для Хада слова старика были не соблазном чужака. Это была практическая информация. Его род мал. Его люди недавно вышли из-под Кхар-Мора. У них нет гарантий, что Арк сможет защитить их до весны. Если Юг даёт еду и не требует сразу склониться — Хад обязан думать.

Именно обязан.

Вождь, который не думает о еде для своих, долго не остаётся вождём.

Арк это тоже понимал.

Он не мог просто запретить Юг.

Запрет без альтернативы — слабый приказ.

Сая сказала это раньше, чем я успел найти жест.

Она вышла к центру, встала рядом с рисунком и показала на соль.

Потом на запасы.

Потом на детей.

Потом на меня.

И сказала медленно, чтобы понял не только Арк:

— Нельзя сказать “нет”, если нет мяса.

Тишина.

Это была плохая правда.

Правда вообще редко бывает удобной.

Тарг смотрел на неё так, будто хотел возразить, но не мог найти место, куда ударить. Наконец он сказал что-то про охоту, про молодых, про лес. Мол, мясо можно добыть. Север не должен отдавать детей за соль.

Сая повернулась к нему.

— Тогда добудь, — сказала она.

Не зло.

Не вызывающе.

Просто.

Добудь.

Тарг замолчал.

Он мог пойти в лес. Мог убить зверя. Мог принести мясо. Но не мог гарантировать охоту. Никто не мог. Зверь не обязан выходить к твоей гордости.

Арк наконец поднял руку.

Решение.

Он сказал, что новый круг не отдаёт залог сейчас.

Сразу несколько людей выдохнули.

Другие, наоборот, напряглись.

Арк продолжил.

Соль и шило не берутся тайно. Если род Ломаного ручья принёс слово Юга, слово будет услышано. Но до ответа новый круг должен сам посчитать еду, охоту, людей и долги. Никто из семей Арка, Хада, волчьих и бывших людей Кхар-Мора не идёт к Югу один. Никто не отдаёт ребёнка без общего слова. Никто не берёт красный металл втайне.

Тарг одобрительно ударил копьём в снег.

Хад не ударил.

Но и не спорил.

Волчий старший кивнул едва заметно.

Старик Ломаного ручья слушал. Потом спросил:

— А если голод придёт раньше вашего слова?

Арк не ответил сразу.

И это был честный ответ.

Потому что голод действительно мог прийти раньше.

Старик убрал мешочек соли обратно не сразу. Дал людям ещё несколько вдохов смотреть на него. Потом завязал ремешок. Женщина завернула красноватое шило в мех. Подросток с южной пластинкой на ремне всё это время смотрел на меня.

Не как на врага.

Как на человека, о котором ему уже что-то сказали.

Я подошёл к нему.

Он напрягся.

Я показал на его ремень. На пластинку.

Он не хотел давать. Старик сказал ему что-то. Подросток нехотя снял пластинку и протянул.

Я взял.

На ней не было линии и точки, как на моей ночной. Только маленький знак — круг и короткий хвост, будто солнце с привязанной нитью. Или глаз. Или узел.

— Юг? — спросил я.

Подросток понял не слово, а направление моего жеста. Кивнул.

Потом неожиданно сказал:

— Эйвар.

Я замер.

Арк поднял голову.

Старуха с белыми волосами резко повернулась.

Сая выдохнула.

Подросток понял, что сказал важное. Сглотнул. Посмотрел на старика Ломаного ручья. Тот не был удивлён. Значит, знал.

Я медленно показал на пластинку. Потом на юг. Потом повторил:

— Эйвар?

Подросток кивнул.

Сая подошла ближе.

— Он видел его? — спросила она на своём языке.

Подросток ответил. Сначала коротко. Потом, когда старик не остановил, чуть больше. Его голос дрожал, но он говорил.

Сая переводила мне кусками:

— Там... у южного огня... был человек Севера. Говорил с ними. Говорил с залогом. Не как раб. Не как пленник. Его слушали. Он знал тропы. Он знал имена.

— Моё? — спросил я, касаясь груди.

Сая задала вопрос.

Подросток посмотрел на меня.

Потом кивнул.

Вот и всё.

Эйвар знал моё имя ещё до того, как оставил южный зуб на дереве.

И, возможно, до того, как убил Орга.

Тарг шагнул ближе. В его глазах появилась новая злость. Уже не на Хада. Не на Орга. Не на нож.

На направление.

Наружу.

Это было полезно.

Старик Ломаного ручья забрал пластинку у меня осторожно. Потом развязал маленький кожаный мешочек и высыпал на ладонь несколько крупинок соли. Протянул Арку.

Арк смотрел.

Если возьмёт — это будет знак.

Если откажется — тоже.

Соль лежала на ладони старика, маленькая, серая, почти грязная. И весила больше, чем копьё.

Арк протянул руку.

Взял одну крупинку.

Не горсть.

Одну.

Положил на язык.

Потом сказал:

— Слово услышано.

Старик кивнул.

Соль вернулась в мешочек.

Шило осталось у женщины.

Залог не взяли.

Обмен не приняли.

Но дверь уже открылась.

Род Ломаного ручья не остался. Им дали горячей воды, немного отвара для больного, Сая посмотрела ребёнка на руках у женщины, старуха дала ей горький корень от кашля. Не подарок. Не сделка. Просто чтобы они ушли живыми. Иногда милость тоже политика.

Когда они собирались уходить, женщина с ребёнком задержалась у Саи. Сказала тихо несколько слов. Я стоял достаточно близко, чтобы услышать, но не понять.

Сая побледнела.

Потом женщина ушла.

— Что? — спросил я.

Сая не сразу ответила.

Смотрела ей вслед.

Потом сказала:

— Она говорит... если мы решим отдать залог, южане возьмут не любого.

Я ждал.

Сая повернулась ко мне.

— Им нужен тот, кто держит слово огня.

Я не понял сразу.

Потом понял.

Не ребёнок бедной матери.

Не случайный подросток.

Если южане хотят говорить с новым кругом, им нужен залог, который что-то значит.

Сын Арка?

У Арка такого рядом не было.

Сая?

Тарг?

Кто-то из Хада?

Варг?

Или я?

Сая не произнесла продолжение. Но я видел по её лицу: она тоже поняла.

Юг не просто кормит.

Юг выбирает, кого держать.

Род Ломаного ручья ушёл к северо-востоку, оставляя за собой неглубокие следы и запах чужой соли. Когда их фигуры исчезли между деревьями, стоянка долго молчала.

Потом люди начали говорить.

Не громко.

Пока.

У огня Арка обсуждали соль.

У огня Хада — залог.

У волчьих — след.

У молодых Тарга — красное шило.

Сая вернулась к запасам и снова начала считать.

Я стоял у южного ножа, воткнутого в снег, и смотрел на красноватую пластинку в своей ладони. Ту самую, с линией и точкой, которую Эйвар оставил ночью. Теперь рядом с ней в моей памяти лежала другая пластинка — знак Ломаного ручья, знак обмена, знак тех, кто уже попробовал южный порядок и не умер.

Вот в чём была проблема.

Юг не врал полностью.

Мальчик вернулся живым.

Соль была настоящей.

Шило было настоящим.

Голод тоже был настоящим.

А значит, опасность была настоящей вдвойне.

Я смотрел на соль, на красный металл, на голодные детские лица — и впервые понял: Юг не шёл к нам с войной.

Он шёл с ответом на вопрос, на который у нас не было своего ответа.

Глава 4 "Изгнанный след"

Изгнанный след

После ухода Ломаного ручья стоянка стала шумнее.

Не сразу. Сначала люди молчали, потому что слово Юга ещё лежало между огнями, как красный нож в снегу. Потом начали говорить. Тихо. Коротко. По двое. По трое. Не в кругу старших, не открыто, не так, чтобы можно было остановить одним ударом копья о землю.

Именно поэтому это было опаснее.

Открытый спор можно разрубить решением.

Шёпот расползается сам.

У огня Арка говорили о соли. О том, сколько мяса можно сохранить, если соль будет не маленьким мешочком, а настоящим запасом. О том, что южное шило могло бы за день сделать столько дыр в коже, сколько костяной иглой делают за три. О том, что если род Ломаного ручья пережил прошлую зиму с южным обменом, значит, не всё в словах старика было ложью.

У огня Хада говорили тише, но жёстче. Его люди не забыли Орга. Не забыли рану под ребром. Не забыли, что убили его между огнями. Но после слов Ломаного ручья в их разговорах появилась новая тяжесть. Если Арк не может защитить даже внутри круга, а Юг даёт соль и возвращает заложников живыми, что разумнее для малого рода?

Волчьи говорили меньше всех. Иногда это выглядело как мудрость. Иногда как готовность уйти в любой момент. Их звери лежали мордами к лесу. Варг сидел рядом с волчьим старшим, но не полностью в их круге. После Камня Волка и смерти Кхар-Мора он тоже стал промежуточным человеком. Мостом. А мосты первыми ломаются, если берега начинают расходиться.

Тарг держал молодых у своего края. Он не кричал, не собирал отдельный совет, не раздувал злость. Это было новым. Раньше он бы ударил по напряжению силой и заставил его звучать как вызов. Теперь он слушал. Иногда говорил коротко. Иногда просто смотрел на тех, кто слишком долго обсуждал красное шило. Его молодые всё ещё были с ним.

Пока.

Сая снова считала еду.

После Ломаного ручья счёт стал хуже. Не потому что еды стало меньше. Потому что теперь рядом с каждой кучкой лежал невидимый вопрос: сколько соли стоил бы этот кусок мяса? Сколько дней жизни стоило бы одно шило? Сколько детей можно было бы дотянуть до весны, если отдать одного на юг?

Юг ещё не взял у нас ничего.

Но уже вошёл в расчёты.

Я сидел у центрального огня и смотрел на южный нож. Он всё ещё торчал в снегу, окружённый золой. Нож не двигался. Не говорил. Не требовал. И всё равно люди обходили его не так, как обычную вещь. Слишком близко — опасно. Слишком далеко — значит, боишься. Кто-то из детей попытался подойти утром, но старуха с белыми волосами только повернула голову. Ребёнок сразу убежал.

Старуха сидела неподалёку, перебирая сухие травы. На самом деле она охраняла нож.

И, возможно, не только нож.

Я чувствовал: её глаза всё время возвращаются к Арку.

Не ко мне. Не к Хаду. Не к Таргу.

К Арку.

После имени Эйвара старик изменился. Не снаружи. Он всё так же говорил мало, двигался экономно, держал копьё, как человек, который привык, что любое лишнее движение кто-то прочтает. Но появилась пауза. Короткая задержка перед ответом, которой раньше не было. Когда Хад спрашивал о дозорах — пауза. Когда Сая говорила о запасах — пауза. Когда Нор вернулся с осмотра края — тоже.

Арк не боялся Эйвара.

Нет.

Он помнил его.

Это хуже.

Врага можно оценить. Старую память приходится выкапывать из себя, а она всегда выходит с грязью.

Нор подошёл ко мне ближе к полудню. Молча, как обычно. В руке у него была короткая ветка с надрезом. Не та кора, которую мы нашли ночью. Другая. Свежая. Он положил её передо мной.

На внутренней стороне был тот же знак.
Две расходящиеся линии.
Короткая черта.
И точка.
Я поднял взгляд.
Нор показал на северный край. Потом на ручей. Потом на лес.
Ещё один знак.
Уже после ухода Ломаного ручья.
Значит, Эйвар не ушёл далеко.
Или хотел, чтобы мы так думали.
Я встал.

Тело ответило болью: бок после волчьего бойца у Камня Волка, свежие порезы, синяки после переходов, старые ушибы. Всё это уже стало фоном. Плохим, но рабочим. В моём прежнем мире за такое тело отправили бы на осмотр, дали бы обезболивание, сутки сна, анализы, снимки и спокойный голос врача: “ну, вы себя не берегли”.

Здесь спокойный голос был только у смерти.

Если можешь идти — идёшь.

Арк был у запасов. Сая рядом, старуха чуть дальше, Хад напротив. Они спорили о том, какие люди пойдут на охоту, а какие останутся при огне. Я подошёл и положил ветку перед Арком.

Разговор оборвался.

Арк посмотрел на знак.

Старуха перестала перебирать травы.

Хад наклонился ближе.

— Опять? — спросила Сая.

Я кивнул.

Арк поднял глаза на Нору.

Тот показал направление. Потом сделал жест: след свежий. Не ночной. Не старый. Слишком близко.

Хад выругался.

Теперь его люди точно будут думать, что Эйвар ходит вокруг их огня, выбирая следующего.

Тарг подошёл без приглашения. Взял ветку, посмотрел на знак, потом на меня.

— Идём, — сказал он.

Я уже понимал это слово.

Идём.

Простое слово, которое редко оставляет место для размышлений.

Арк покачал головой.

Тарг напрягся.

Старик сказал несколько фраз. Сая перевела мне не всё, а только главное:

— Не большой отряд. Не шум. Нор. Ты. Варг.

Тарг резко повернулся к Арку.

— Я.

Арк посмотрел на него долго. Потом показал на молодых у его огня. На Хада. На волчьих. На центральный огонь.

Тарг нужен здесь.

Не в лесу.

Это было разумно. И именно поэтому Таргу не понравилось.

Он сделал шаг ближе.

— Если чужак идёт за тем, кто убил между огнями, я иду.

Сая перевела неохотно. Её лицо стало жёстким. Она понимала обе стороны. Тарг не мог позволить мне снова уйти по важному следу без него. Но если Тарг уйдёт, его молодые останутся с солью, шёпотом и южным ножом. И без руки, которая держит их наружу.

Арк ответил коротко.

— Нет.

Это слово я знал.

Нет.

Тарг побледнел от злости. Не от страха. Именно от злости. Его губы стали тонкими, пальцы на древке копья сжались.

Сая шагнула вперёд.

Я подумал, что она станет между ними, и уже приготовился к худшему.

Но она повернулась не к Таргу.

К Арку.

Сказала несколько слов. Тихо. Очень тихо. Так, что слышали только ближайшие.

Арк нахмурился.

Тарг тоже.

Сая говорила спокойно, но в её голосе была сталь — не металл южан, а другое, человеческое, внутреннее. Она показала на молодых Тарга. Потом на Хада. Потом на лес. Потом на меня. Потом на Тарга.

Я понял смысл не сразу.

Потом понял.

Если Тарга оставить силой, его молодые увидят не порядок, а недоверие. Если взять его, он будет связан делом и не сможет строить свою отдельную злость у огня. В лесу он опасен. У огня, униженный запретом, может быть опаснее.

Арк смотрел на дочь долго.

Она выдержала.

Тарг, кажется, тоже понял.

И это задело его ещё сильнее: Сая не защищала его. Она считала его как часть общего риска.

Арк наконец кивнул.

Не сразу. Не охотно. Но кивнул.

Тарг идёт.

Состав стал таким: Нор впереди, Варг рядом, я, Тарг, и один человек Хада — Эр, тот же, что ходил ночью. Хад настоял. Кровь Орга требовала глаз его рода. Арк согласился. Волчий старший не возражал против Варга. Но перед выходом подошёл к нему и сказал несколько коротких слов. Варг ответил одним. Я не понял, но увидел: это не приказ. Скорее напоминание. Волчьи не держали своих как Арк и Хад. Они привязывали иначе.

Сая подошла ко мне перед уходом. В руках у неё был свёрток. Мох, кожа, горький корень. Уже привычный набор.

Я взял.

Она не отпустила сразу.

— Эйвар, — сказала она тихо.

Потом показала на Арка. На старуху. На себя. На лес.

— Он не просто враг?

Вопрос был точный.

Слишком точный.

Я посмотрел на Арка. Старик стоял у огня, делая вид, что проверяет копье. Старуха смотрела на него так, будто ждала, когда он перестанет молчать.

— Не знаю, — сказал я.

Сая уже понимала этот жест: развести руки, ладони открыты.

Не знаю.

Она кивнула.

Потом отпустила свёрток.

— Узнай.

Мы вышли без шума.

Снег после ночи был ровный, мягкий, обманчиво чистый. Он прятал старые следы и принимал новые слишком охотно. Нор шёл так, будто не наступал, а спрашивал землю, можно ли. Варг двигался иначе — ниже, мягче, часто уходил в сторону, проверяя запахи и невидимые для меня линии. Между ними не было дружбы. Но была рабочая тишина.

Тарг шёл позади меня, и я чувствовал его так же ясно, как чувствовал ветер в спину. Он не пытался скрываться так, как Нор. Но и не ломал лес. После первых недель рядом со мной, после боёв, ловушек, Камня Волка и ночных дозоров он уже понимал: лес слушает.

Эр держался правее. Человек Хада был молчалив и зол. Его злость была понятной. Если бы убили человека моего круга, я бы тоже хотел видеть след своими глазами.

Первый знак нашли быстро.

Слишком быстро.

На берёзе, в трёх десятках шагов от ручья. Не глубоко, не как метка для всех, а тонко, на внутренней стороне ствола, там, где заметит только тот, кто ищет. Две расходящиеся линии. Короткая черта. Точка.

Нор присел, посмотрел на снег.

След рядом был.

Но не уходил дальше.

Он начинался у дерева и растворялся на камнях. Как будто человек появился из ствола, оставил знак и ушёл в воздух.

Нор нахмурился.

Варг усмехнулся.

Нор посмотрел на него.

Варг показал левее, к низким кустам. Там, где мне казалось просто ровным снегом, он нашёл лёгкую вмятину. Не ступня. Колено. Человек опускался, чтобы пролезть под ветвями. Хороший ход: след не на тропе, а под ветками, куда взрослый с копьём не полезет без причины.

Мы пошли шире.

Не по следу. Параллельно.

Через несколько минут Нор остановился. Показал на снег. Там лежал маленький пучок сухой травы, перевязанный тёмной нитью. Сначала я подумал — случайность. Потом увидел, что трава не местная. Не из этой низины. Слишком сухая, слишком ровная. Перевязана аккуратно.

Варг сказал что-то.

Эр ответил резко.

Я посмотрел на Тарга.

Тот перевёл жестом: южный запах.

Опять.

Сухая трава могла быть просто знаком. Или приманкой. Или способом сбить зверя с запаха. Я поднёс её к носу осторожно. Запах был слабый, но другой: дым, жир и что-то горькое. Возможно, трава, которую используют для обработки кожи. Возможно, для хранения вещей. Возможно, просто кусок Юга, оставленный для нас.

Я положил пучок обратно.

Не взял.

Если враг оставляет тебе вещь, не всегда нужно становиться её носильщиком.

Дальше след повёл нас к старой каменной гряде. Низкой, поросшей лишайником, с трещинами, в которых снег держался синеватыми полосами. Здесь в первую книгу мы, возможно, назвали бы это просто камнями. Теперь я смотрел иначе. Камни — это укрытие. Слепые зоны. Возможные тайники. Места для наблюдения. Места, где один человек может контролировать проход пятерых.

Нор поднял руку.

Все остановились.

Тишина.

Сначала я ничего не услышал.

Потом — слабый щелчок.

Не ветка. Не лёд. Не зверь.

Камень о камень.

Где-то впереди.

Тарг напрягся, но не двинулся. Это уже было прогрессом.

Нор показал: вниз.

Мы присели.

Варг исчез первым. Не буквально, конечно. Просто ушёл в сторону так, что через несколько секунд я уже не видел его среди камней. Нор посмотрел на меня — ждать. Я кивнул.

Ожидание длилось долго.

На самом деле, может, минуту. Но в холоде и тишине минута тянется как переход через открытый снег под стрелами.

Варг вернулся беззвучно. Показал два пальца. Потом один согнул. Один человек? Или след одного? Потом указал на гряду и провёл рукой вниз.

Кто-то был здесь недавно.

И ушёл.

Мы поднялись осторожно.

За грядой обнаружилось место, где человек сидел. Небольшая выемка между камнями. Сухая ветка, срезанная под углом. Небольшой след жира на камне. Снег утрамбован не ступнями, а коленями и боком. Человек лежал здесь, наблюдая за стоянкой.

Отсюда было видно три огня.

Арка.

Хада.

Волчьих.

И место, где торчал южный нож.

Я лег на камень и посмотрел вниз.

Да.

Хорошая точка.

Слишком хорошая.

С неё можно было видеть, кто подходит к ножу. Кто спорит у тела Орга. Кто с кем говорит после ухода Ломаного ручья. Кто отправляется в дозор. Кто остаётся у огня.

Эйвар не просто оставлял знаки.

Он смотрел.

Считал.

Как я.

От этой мысли стало холоднее.

Не потому что страшно встретить человека, который умеет читать группу. Я встречал таких. В старом мире их называли по-разному: разведчик, оперативник, командир, переговор-

щик, аналитик. Суть одна: человек, который смотрит не на слова, а на связи. Не на силу, а на точки давления.

Опасен не тот, кто знает, где стоит твой дозор.

Опасен тот, кто знает, кто обидится, если его не поставят первым.

Я поднялся.

На камне была зарубка.

Не знак Эйвара.

Другая.

Короткая вертикальная черта и рядом две точки.

Нор увидел и застыл.

Эр тихо сказал что-то. Его голос изменился.

— Что? — спросил я.

Нор не ответил.

Тарг смотрел на знак, как на старую рану, о которой слышал, но никогда не видел.

Варг подошёл ближе, понюхал камень, потом фыркнул. Сказал коротко:

— Старые.

Я понял это слово.

Старые.

Нор наконец заговорил. Медленно, чтобы понял и я. Показывал на север. На знак. На себя. На Арка. Потом ладонью — как круг людей. Потом ладонью вниз — круг исчез.

Род.

Старый род.

Исчез.

Или был изгнан.

Сая была права.

Эйвар не просто человек, ушедший на юг. За ним стояла история, которую Арк не хотел вытаскивать к огню.

Мы нашли ещё три таких старых знака вдоль гряды. Они были не свежими. Почерневшими, местами сглаженными временем. Один почти зарос лишайником. Другой был на камне, расколотом морозом. Третий — на сухом стволе, давно мёртвом, но ещё стоявшем.

Значит, это место когда-то принадлежало его людям.

И он вернулся туда не случайно.

Тропа вывела нас к ручью, который уходил на юго-восток. Лёд на нём был тонкий. Снег вокруг — нетронутый, если смотреть обычным взглядом. Нор присел, долго смотрел, потом покачал головой.

След дальше не шёл.

Или шёл так, что его не прочитать.

Варг перешёл на другой берег, лёг почти животом на снег, втянул воздух. Потом поднялся и сказал несколько слов. Тарг нахмурился.

— Что? — спросил я.

Тарг нехотя перевёл жестом: вода. Камни. Ушёл далеко. Не догнать.

Эйвар снова выбрал место, где след ломается.

Он не хотел, чтобы мы нашли его.

Он хотел, чтобы мы нашли достаточно.

Старые знаки.

Наблюдательный камень.

Южный запах.

И понимание, что он знает наши огни.

Мы возвращались молча.

Даже Тарг молчал. Это было не похоже на него. Обычно его злость искала выход: словом, ударом, взглядом, шагом быстрее нужного. Сейчас он шёл ровно. Возможно, думал. Возможно, считал по-своему. Возможно, просто понимал, что против такого врага прямой удар мало что решает.

На обратном пути Эр остановился у одного из старых знаков. Коснулся его пальцами.

— Кровь? — спросил я жестом.

Он посмотрел на меня.

Потом на Тарга.

Потом сказал короткую фразу.

Тарг перевёл неохотно, но всё же перевёл:

— Старые убили старых.

Вот и всё.

Достаточно.

Род Эйвара исчез не от зверей.

Не от голода.

Не от Морха.

От внутренней крови.

Хорошая история для человека, который теперь бьёт по внутренней крови нашего нового круга.

Когда мы вернулись, стоянка уже ждала. Не все, но те, кто должен был: Арк, Сая, Хад, старуха, волчий старший. Тарг сразу пошёл к своим молодым, но остановился после двух шагов. Посмотрел на Арка и остался в кругу. Это тоже было новым. Он хотел услышать правду вместе со всеми.

Нор положил перед Арком ветку со свежим знаком. Потом пучок сухой травы. Потом показал направление каменной гряды. Варг добавил несколько слов о месте наблюдения. Эр сказал о старых знаках.

Арк слушал.

Старуха с белыми волосами смотрела на него так, будто наконец дождалась.

Хад первым задал вопрос:

— Эйвар?

Арк молчал.

Слишком долго.

Сая шагнула ближе к отцу.

— Скажи, — произнесла она.

Тихо.

Но не как дочь просит отца.

Как человек, который держит часть круга и понимает: молчание теперь опаснее правды.

Арк посмотрел на неё.

Потом на меня.

И наконец заговорил.

Он не стал рассказывать быстро. Слова выходили тяжело. Не потому что старик не умел говорить. Потому что каждое слово приходилось вынимать из места, где оно лежало много зим.

Сая переводила мне не всё подряд. Иногда останавливалась. Иногда спрашивала старуху. Иногда сама не знала нужного слова и показывала жестами.

Род Эйвара жил у Ломаного камня — не тот Ломаный ручей, что приходил сегодня, а другое место, дальше к югу. Малый род, но сильный следом. Они знали тропы между севером и югом. Умели ходить там, где другие теряли людей. Не были богаты мясом, но были богаты дорогами. А дороги иногда кормят лучше зверя.

Эйвар был сыном одного из их старших.

Не главным сыном.
Не первым.
Слишком умным для второго места.
Я понял это без перевода.
Такие люди есть везде.

Недостаточно легитимности, чтобы править по праву. Достаточно ума, чтобы видеть ошибки тех, кто правит. Достаточно гордости, чтобы считать себя обманутым миром.

Когда южные люди начали появляться у дальних троп, род Эйвара стал первым говорить с ними чаще других. Сначала обмен: шкуры, соль, красный металл, редкие камни. Потом проводники. Потом зимние люди — залого. Потом долги.

Арк тогда был моложе. Не стариком у огня, а человеком, который уже выводил свои семьи из голодных мест. Он видел, что юг даёт не только вещи. Он даёт зависимость. Но род Эйвара думал иначе. Они считали, что кто знает дорогу к югу, тот будет стоять выше тех, кто сидит у северных костров.

Потом случилась кровь.

Не вся история была ясна. Или Арк не хотел говорить. Или я не понимал половины. Но суть дошла.

Эйвар хотел отдать южанам залог не от слабой семьи, а от рода, который спорил с его отцом. Девушку? Мальчика? Сына другого старшего? Сая не смогла перевести точно. Важно было не это. Важно было, что залог должен был стать не обменом, а способом подчинить свой же круг.

Началась драка.
Потом ночь.
Потом мёртвые.
Эйвар ушёл.
Или его изгнали.
Старуха резко вмешалась:
— Ушёл сам.

Арк посмотрел на неё.
Она не отвела взгляд.

Значит, здесь была разница. Для Арка — изгнанник. Для старухи — человек, который сам выбрал юг до того, как его успели вытолкнуть.

После этого род у Ломаного камня распался. Часть ушла к южным тропам. Часть погибла зимой. Часть растворилась среди других родов. Старый знак почти забыли. Остались только те, кто помнил.

Арк.
Старуха.
И теперь Эйвар.
Хад слушал без движения.
Волчий старший тоже.

Тарг стоял мрачно. Для него эта история была слишком похожа на предупреждение: молодой сильный человек, второй в порядке, умный, злой, связанный с чужой силой. Не нужно быть великим мыслителем, чтобы увидеть тень.

Он, думаю, тоже увидел.
И ему не понравилось.
Я смотрел на Арка.
Теперь многое вставало на место.
Почему он молчал.
Почему имя Эйвара ударило по нему сильнее, чем обычный враг.

Почему Юг знает северные тропы.

Почему Эйвар ударил по Оргу, человеку Хада, между огнями. Он уже видел, как распадается род через внутреннюю кровь. Более того — когда-то участвовал в таком распаде. Возможно, начал его.

Теперь он делал то же самое с нами.

Только лучше.

Потому что у него был опыт.

И южные вещи.

И знание, что голод ломает любые правила.

Сая спросила то, что я тоже хотел спросить:

— Почему он знает имя Рата?

Арк не ответил.

Не потому что не хотел.

Потому что не знал.

Старуха с белыми волосами посмотрела на меня. Потом на южный нож. Потом на знак Эйвара.

— Чужой видит чужого, — сказала она.

Сая перевела не сразу.

— Она говорит... тот, кто ушёл из круга, чувствует того, кто пришёл не из круга.

Неприятная мысль.

И слишком точная.

Эйвар не мог знать, кто я на самом деле. Не мог знать про другой век, другое тело, старую войну, песок, машины, связь, карты, медицину и всё, что было до снега.

Но он мог видеть, что я не местный.

Не по коже. Не по языку уже. А по решениям.

Я не мщу, когда должен.

Не добиваю, когда выгодно.

Делю людей на функции.

Рисую порядок на снегу.

Ставлю копыя наружу, когда все хотят внутрь.

Для человека вроде Эйвара этого было достаточно.

Я тоже был чужим элементом в северном круге.

А значит, он мог решить: меня можно либо использовать, либо убрать, либо вытащить на поле, где его правила сильнее.

Хад нарушил молчание:

— Если Эйвар с Югом, Юг уже знает всё, что знал он.

Арк кивнул.

— И теперь знает то, что увидел ночью, — сказал я по-русски.

Сая посмотрела на меня.

Я показал на три огня. На нож. На тело Орга. На след. На соль. На шило. На залог.

Она поняла и перевела смысл.

Эйвар смотрел на нас после Камня Волка. Он знает, что круг ещё не цельный. Знает, что Хад не верит полностью. Знает, что Тарг держит молодых, но может быть задет. Знает, что Сая — не просто дочь Арка. Знает, что южный металл уже работает. Знает, что голод близко.

И знает, что мы пойдём за ним.

Потому что он оставил след.

Тарг сказал:

— Тогда не идём.

Все повернулись к нему.

Я тоже.

Неожиданно.

Он смотрел на меня, но говорил всем.

Если враг хочет, чтобы мы шли по следу, значит, след — его путь. Значит, нужно ударить не туда. Нужно держать огонь. Охоту. Людей. Пусть он сам придёт ближе.

Это было умно.

И именно поэтому все молчали несколько секунд.

Тарг впервые предложил не прямой удар.

Я увидел, как Сая смотрит на него. Без мягкости, без прежнего напряжения. С уважением к мысли.

Тарг заметил.

И ничего не сказал.

Арк медленно кивнул.

— Не идём за его рукой, — сказала Сая, переводя общее решение. — Но ищем его тень.

Это означало: не бежать на юг сразу. Не вести большой отряд по оставленной дороге. Но расширить дозоры, проверить старые места рода Эйвара, опросить тех, кто помнит Ломаный камень, усилить наблюдение за Ломаным ручьём и всеми, кто уже имел южный обмен.

Работа.

Не геройство.

Вторая книга, кажется, начиналась именно с этого: не с большого боя, а с неприятной необходимости строить систему быстрее, чем враг найдёт в ней щели.

К вечеру мы снова вышли к каменной гряде — уже с Арком.

Он сам захотел увидеть старые знаки.

Пошли немногие: Арк, я, Нор, Сая, старуха и Тарг. Хад остался у огня, но отправил Эра. Волчьи не пошли, но Варг появился на расстоянии, как тень между деревьями. Никто его не звал. Никто не прогнал.

Арк шёл молча.

Старуха тоже.

Когда мы дошли до первого старого знака, старик остановился. Долго смотрел на него. Потом коснулся пальцами камня. Не как следопыт. Как человек, который трогает закрытую могилу.

— Здесь? — спросила Сая.

Арк кивнул.

Старуха сказала тихо:

— Здесь они спорили.

Не кричали.

Не бились.

Сначала спорили.

Я понял, почему она сказала именно это. Любая резня начинается раньше первого удара. Там, где люди ещё стоят у огня и думают, что просто говорят.

Арк отошёл от камня и посмотрел вниз, на нашу стоянку. Отсюда три огня были видны хорошо. Центральный, правый, лесной. Три маленьких пятна жизни в сером снегу.

— Он видел, — сказал Арк.

Сая перевела.

Да.

Эйвар видел нас отсюда.

И не только вчера.

Возможно, с самого возвращения.

Возможно, у Камня Волка он уже знал, что Кхар-Мор падёт, а северный круг станет новой доской.

Варг вдруг появился ближе. Он стоял у дерева и смотрел не на нас, а на ствол.

— Рат, — сказал он.

Я подошёл.

На внутренней стороне дерева, там, где кора была защищена от снега, был свежий знак.

Не просто знак Эйвара.

Две расходящиеся линии.

Короткая черта.

Точка.

А под ними — ещё одна линия.

Новая.

Глубокая.

Направленная к нашей стоянке.

Я присел.

Срез был свежий. Сделан после того, как мы ушли. Значит, пока мы говорили у огня, пока Арк рассказывал старую историю, пока мы принимали решение не идти за рукой Эйвара — он вернулся сюда.

И оставил новый знак.

Старуха увидела его и закрыла глаза.

— Что это? — спросил я.

Сая подошла ближе, посмотрела, потом перевела вопрос старухе.

Старуха долго молчала.

Потом сказала два слова.

Сая побледнела.

— Что? — повторил я.

Она посмотрела на меня, потом на Арка, потом на знак.

— Это не угроза, — сказала она медленно. — Это... возвращение.

Арк стоял неподвижно.

Тарг сжал копьё.

Сая провела пальцем по новой линии, не касаясь коры.

— Он говорит: я вернулся.

Никто не сказал ни слова.

Да и не нужно было.

Потому что теперь Эйвар был уже не просто следом из прошлого.

Он был здесь.

Вокруг наших огней.

И считал их своими.

Глава 5 "Люди с красным ножом"

Люди с красным ножом

Эйвар не пришёл ночью.

И это было хуже, чем если бы пришёл.

После знака на дереве все ждали движения. Шороха у ручья. Волчьего рыка. Тени между стволами. Кости у входа. Мёртвого у огня. Ещё одного маленького южного зуба, подвешенного на ветке так, чтобы его нашли утром.

Ничего.

Лес молчал.

Снег падал редко, почти лениво, закрывая старые следы и делая вид, что мир снова чистый. Но стоянка уже не верила снегу. Люди просыпались от каждого треска ветки. Дозор-

ные менялись чаще, чем нужно. У огня Хада мужчины сидели с копьями под рукой. У волчьих звери лежали головами наружу. У молодых Тарга лица стали жёстче, но тише. После рассказа об Эйваре они уже не бросали слова так легко. Даже самый злой из них теперь понимал: враг, который не показывает тела, может быть опаснее того, кого можно ударить дубиной.

Утром Арк собрал малый круг.

Не всех. Только тех, кто должен был знать и действовать: Хад, волчий старший, Тарг, Нор, Сая, старуха с белыми волосами, Варг и я. Остальные видели, что круг есть, но не слышали всех слов. Это было правильно. После смерти Орга каждый лишний слух становился новым ножом.

Мы сидели у центрального огня. Южный нож всё ещё торчал в снегу, лезвием вниз. Зола вокруг него промёрзла серой коркой. Рядом лежала кость Орга. Старуха не позволяла убрать её, пока не будет ответа по крови. Мёртвый должен был оставаться в разговоре, иначе живые слишком быстро начинали использовать его имя как удобный камень.

Арк говорил о дозорах.

Нор — о следах.

Варг — о волчьих путях.

Хад — о своих людях и о том, что они больше не будут спать у правого огня без второго выхода к лесу.

Тарг — о молодых. Сказал коротко: они будут стоять снаружи, но не рядом с людьми Хада, пока кровь Орга не получит ответ. Это было плохо. Но хуже было бы заставить их стоять рядом и получить драку в темноте.

Сая молчала дольше всех.

Потом сказала:

— Если огни стоят далеко, дети едят страх.

Я понял не все слова, но смысл был ясен по лицам. Она говорила о том, что разделение уже вошло в быт. Женщины Арка не берут воду вместе с женщинами Хада. Дети смотрят друг на друга как на будущих врагов. Волчьи вообще держатся леса. Если так продолжится, Эйвару не нужно будет снова убивать. Круг сам станет тремя стоянками.

Хад ответил резко. Его можно было понять. Одного его человека уже убили между огнями. Ему нельзя делать вид, что всё хорошо, пока его женщины видят кровь у входа.

Тарг тоже хотел ответить, но Арк поднял руку.

Не приказал.

Просто остановил.

Старик посмотрел на меня.

Вот так всё чаще и происходило. В момент, когда старый порядок не давал готового решения, люди поворачивались ко мне. Это льстило бы, если бы не было так опасно.

Я взял палку и начал рисовать.

Три огня: Арк, Хад, волчьи.

Между ними — пустое пространство.

Потом — маленькие линии, которые ходят по кругу: вода, еда, раненые, дозор, дети, женщины, следопыты. Не все вместе. Но пересечения. Если огни не могут стать одним, между ними должны ходить люди с задачей. Не гости. Не согладатаи. Рабочие связи.

Я нарисовал смешанные пары.

Один Арка — один Хада.

Один Хада — один волчий.

Один молодой Тарга — один Нора.

Сая смотрела и поняла первой. Она взяла у меня палку, добавила свои знаки: женщины у воды, дети у общего отвара, раненые под одним мешком трав. Потом показала на себя. Она будет ходить между огнями. Не одна. Но как мост.

Тарг нахмурился.

Ему это не понравилось. Не потому что он хотел запретить Сае помогать. А потому что каждый её шаг между огнями делал её не чьей-то будущей женой, а отдельной силой. Силу нельзя просто забрать в дом.

Хад смотрел внимательно. Ему нравилась практическая часть: его люди будут видеть, что их не ставят ниже. Волчий старший не возражал, пока волчьих не заставляют сидеть у центрального огня. Арк кивнул.

Так появилось ещё одно правило.

Не полное. Не написанное. Не закреплённое, как законы моего мира. Но рабочее.

Огни стоят отдельно.

Дела ходят между ними.

Это было всё, что мы могли себе позволить.

На полдень назначили первую общую работу: вода и укрепление нижнего прохода. Не героично. Не красиво. Но именно такие вещи и создают союз. Люди не становятся своими от клятв. Они становятся своими, когда вместе таскают тяжёлые ветки, ругаются, мерзнут, спорят и всё равно заканчивают одно дело.

Мы не успели начать.

Сигнал пришёл с верхнего дозора.

Не крик.

Три коротких удара по сухой кости.

Тук. Тук. Тук.

Условный знак, который мы ввели утром. Не волки. Не пожар. Люди.

Стоянка напряглась сразу. Дозорные подняли копьё. Женщины потянули детей внутрь. Волчьи поднялись у своего лесного огня почти одновременно, как будто сигнал для них был запахом, а не звуком. Хад вышел к правому краю. Тарг уже был с копьём в руке. Арк медленно поднялся.

Я пошёл к северному выходу вместе с Нормом.

Тарг догнал нас через несколько шагов. На этот раз Арк не остановил его. Люди были не в лесу, а на подходе к стоянке. Прямой контакт. Тарг там был нужен.

Сая тоже пошла.

Арк хотел сказать нет, но не сказал. После Ломаного ручья все поняли: если приходят люди с обменом, руками у раненых и словами у женщин нельзя пренебрегать.

Мы поднялись на край низины.

Ветер бил оттуда, откуда шли чужие. Это было хорошо для запаха и плохо для глаз: снег мелко нёсся в лицо. Нор присел, посмотрел вниз. Варг появился слева почти бесшумно, хотя его никто не звал. Он втянул воздух и сказал одно слово:

— Южные.

Слово прошло по нам, как холод под мехом.

Я посмотрел вперёд.

На открытом участке между деревьями двигались люди.

Не много.

Семеро.

Нет, восемь.

Впереди шёл человек в тёмной меховой накидке, но не такой, как у северян. Шкура была обработана лучше. Не богато — аккуратно. На груди у него висела широкая кожаная полоса, на ней — маленькие красноватые пластинки. Не броня. Не защита. Знак. За ним шли двое с короткими копьями. Древки ровные. Слишком ровные. Наконечники не блестели как будущий металл, но отличались от камня: тёмно-красные, узкие, аккуратно закреплённые. Ещё двое несли связки. Один — мешок. Последним шёл человек с северной походкой.

Вот он.

Даже издали было видно.

Не южанин.

Северянин.

Он двигался по снегу легче остальных, выбирая место для ступни не глазами, а телом. На нём была южная накидка, но сидела она на нём чуждо, как на волке, которому накинули ремень с чужого пса. Лицо пока не разглядеть. Но я уже знал.

Эйвар.

Тарг напрягся рядом.

— Он? — спросил он.

Я не ответил.

Пока нельзя было быть уверенным.

Но всё внутри уже сказала: да.

Южные остановились на расстоянии, которое было выбрано очень точно. Далеко для внезапного броска. Достаточно близко, чтобы говорить. Не на нижнем склоне, где мы имели бы высоту, и не в лесу, где волчи чувствовали бы себя увереннее. На ровном участке, где никто не выглядит хозяином.

Хороший выбор.

Слишком хороший для людей, которые впервые подходят к нашей стоянке.

Человек в тёмной накидке поднял пустую руку.

Не обе.

Одну.

В другой он держал короткий посох — не оружие, скорее знак пути или власти. На верхнем конце посоха была привязана маленькая полоска красного металла. Она не блестела, но глаз всё равно цеплялся.

Он сказал что-то.

Я не понял ни слова.

Язык был похож и не похож на местный. Больше гортанных звуков, другие окончания, иной ритм. Но после него заговорил северянин в южной накидке.

И вот его я понял частично.

Потому что он говорил на языке Арка.

Медленно.

Хорошо.

Слишком хорошо.

— Южный огонь пришёл с миром, — сказал он.

Не “мы”. Не “люди”. Не “род”.

Южный огонь.

Интересно.

Арк спустился к нам. Не быстро. За ним — Хад, волчий старший, старуха. Люди нового круга выстроились не линией, а неровным полукругом на склоне. Не атакуют. Не приглашают. Смотрят.

Северянин в южной накидке поднял голову.

Теперь я увидел лицо.

Возраст — трудно сказать. Старше меня в этом теле. Моложе Арка. Лицо сухое, узкое, с глубокими складками у рта. На левой щеке — старый шрам, короткий, не боевой даже, скорее след от камня или падения. Глаза светлые. Спокойные.

Слишком спокойные для человека, стоящего перед людьми, которые уже знают его знак у мёртвого.

Он посмотрел на Арка.

Не поклонился.

— Арк, — сказал он.

Голос был ровный.

Арк не ответил.

Старуха с белыми волосами тихо зашипела. Почти как зверь. Я впервые услышал от неё такой звук.

Эйвар перевёл взгляд на неё.

— Старая мать всё ещё держит кости, — сказал он.

Сая стояла рядом со мной. Её лицо стало жёстким.

— Это он, — тихо сказала она.

Да.

Теперь уже без сомнений.

Эйвар.

Человек, который ушёл к Югу.

Человек, который знал старые северные знаки.

Человек, который оставил нам южный зуб.

Человек, след которого был у тела Орга.

И теперь он стоял перед нами не с ножом в темноте, а рядом с посольством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.